

УДК 34(51)(09)
ББК 67.0(54)
П65

Монография подготовлена при финансовой поддержке
РГНФ (проект № 14–03–00322 «“Российский фактор” правового
развития Центральной Азии в имперский период (XVIII — начало XX вв.):
юридические аспекты фронтальной модернизации») и софинансировании
Научного фонда НИУ ВШЭ (проекты № 14–09–0187, 15–09–0273)

Рецензент —
доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой истории права и государства
Юридического института РУДН
М.В. Немытина

Почekaев, Р. Ю. Российский фактор правового развития
П65 Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной
модернизации [Текст] / Р. Ю. Почekaев ; Нац. исслед. ун-т
«Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы
экономики, 2020. — 326, [2] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-
1989-9 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2056-7 (e-book).

В книге анализируются правовые аспекты взаимодействия Российской империи с государствами Средней Азии с начала XVIII в. до 1917 г. Автор характеризует основные этапы формирования российского влияния на правовое развитие среднеазиатских ханств, рассматривает главные направления, по которым это влияние осуществлялось. Обращается внимание на средства и методы российской правовой политики в ханствах Средней Азии после установления над ними протектората. Отдельно рассмотрен вопрос о правовой политике России в среднеазиатских регионах с особым правовым статусом, а также в условиях военного положения, революционной ситуации и проч. Проведенное исследование позволяет осмыслить исторический опыт интеграции на евразийском пространстве, очередной этап которой активно реализуется сегодня, а также оценить степень эффективности правовых средств этой интеграции в XVIII — начале XX в., их сильные и слабые стороны.

Книга предназначена для историков государства и права, историков России, востоковедов, политологов, а также студентов, обучающихся данным специальностям.

УДК 34(51)(09)
ББК 67.0(54)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1989-9

ISBN 978-5-7598-1989-9 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2056-7 (e-book)

© Почekaев Р.Ю., 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
----------------	---

Глава I

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК	23
--	----

§ 1. Экспедиция А. Бековича-Черкасского и память о ней в отношениях России с государствами и народами Средней Азии	24
§ 2. Место Средней Азии в проектах по торговле России с Индией (XVIII — первая половина XIX в.)	35
§ 3. Бухарцы перед российским законом и судом	43
§ 4. Экономические санкции как инструмент международно-правовых отношений России и Хивы	53
§ 5. Средняя Азия в русских торговых проектах середины XIX в. (правовые аспекты)	65

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКИХ ПРОТЕКТОРАТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	72
--	----

§ 1. Договоры 1868 и 1873 гг. в оформлении нового статуса среднеазиатских ханств	72
§ 2. Инкорпорация правителей среднеазиатских ханств в состав российской правящей элиты	81
§ 3. Правовые основания использования русских войск в протекторатах	88
§ 4. Начальник Амударьинского военного отдела — русский «политический агент» в Хиве	96

Глава III

НА СОБСТВЕННОМ ПРИМЕРЕ: РОССИЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ХАНСТВАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ИХ ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ	106
---	-----

§ 1. Налоговые реформы в Русском Туркестане и их последствия для среднеазиатских ханств	107
§ 2. Правовое положение российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве	116
§ 3. Особенности правового статуса российских поселений в ханствах Средней Азии	124

§ 4. Российский суд в Бухарском эмирате	137
§ 5. «Женский вопрос» в Русском Туркестане и ханствах Средней Азии	149
§ 6. Правила производства и продажи алкогольной продукции в Бухаре: механизм распространения правовых норм для русских владений на территорию протектората	158

Глава IV

ИНСТРУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПРОТЕКТОРАТА	165
§ 1. Регулирование водопользования как инструмент политики Российской империи в ханствах Средней Азии.....	165
§ 2. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи.....	183
§ 3. Фиксация курса таньги как инструмент финансово-правовой политики России в Бухаре и Хиве на рубеже XIX–XX вв.	197
§ 4. Реорганизация вооруженных сил Бухарского эмирата и Хивинского ханства.....	211
§ 5. Деятельность российской полиции в Бухаре в начале XX в.	218

Глава V

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В РЕГИОНАХ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ И В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.....	224
§ 1. Правовая политика Российской империи на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)	224
§ 2. Среднеазиатское восстание 1916 г. как основание для упрочения контроля Российской империи над Бухарой и Хивой	243
§ 3. Вопрос о правовом статусе ханств Средней Азии в политике Временного правительства	255

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. РОССИЙСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ В ОЦЕНКАХ БУХАРСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ	274
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	291
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	292
Архивные источники	292
Опубликованные источники и литература	292

Должен обратить внимание вашего величества на то обстоятельство, что на всем протяжении наших границ в Азии в наших действиях нет, можно сказать, единства, нет той последовательности, которые необходимы для хода дел и которые, безусловно, принесли бы нам большие выгоды, если бы у нас был более совершенный план действий.

Кн. А. Чарторыйский

ВВЕДЕНИЕ

Процессы интеграции на евразийском пространстве, столь активно происходящие сегодня, отнюдь не связаны с сиюминутными политическими или экономическими интересами лидеров государств, которые в этих процессах участвуют. Формирование единого экономического и политического пространства в Евразии — процесс объективный и, можно сказать, предопределенный, о чем свидетельствуют многочисленные примеры объединений на просторах Евразии самых разных стран и народов в различные периоды истории. Можно вспомнить «степные империи» Древнего мира и раннего Средневековья (держава Хунну и Тюркский каганат), конечно же — империю Чингис-хана и его преемников, а также — более близкую к нашей отечественной истории Золотую Орду. Свообразным геополитическим преемником Золотой Орды стало Московское государство, которое сменила Российская империя и, наконец, Советский Союз. Безусловно, все эти объединения имели значительные недостатки, что и сегодня вызывает немало критики в их адрес. Однако вместе с тем они имели и определенные достоинства, преимущества для стран и народов, в них входивших.

Данная монография посвящена правовым аспектам интеграции на евразийском пространстве в эпоху Российской империи. В последние годы интерес к этому периоду существенно возрос. При этом спектр мнений относительно роли России в развитии государств и народов Центральной Азии весьма широк — от безусловного одобрения и оправдания любых действий имперских властей в целях установления и поддержания контроля над странами и народами региона до столь же полного их осуждения, обвинения в колонизаторстве, попытках уничтожения национальной самобытности, традиционной культуры и проч. На наш взгляд, такой разброс мнений, нашедших отражение в огромном множестве исследовательских, научно-популярных и публицистических работ, свидетельствует о том, что Российская империя сыграла весьма важную роль в правовом развитии стран и народов Центральной Азии, и изучение опыта ее политики в этом регионе является весьма востребованным.

Исследования политики Российской империи в Центральной Азии имеют давнюю историю: они стали появляться еще в первой половине XIX в., и со временем интерес к этой тематике только возрастал. При этом в некоторых трудах, появившихся в тот период, находили отражение и вопросы государственного устройства и правового развития среднеазиатских ханств — в частности, в исследованиях Н.В. Ханыкова, С. Руссова и ряда других. Однако большинство исследовательских работ по данной тематике появляется уже в процессе и после установления российского протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Первые работы о Бухаре эпохи протектората Российской империи появились уже в 1870-е годы. Среди их авторов были российские чиновники Н. Стремоухов, А.П. Хорошхин, Г.А. Арендаренко (Арендаренко), А. Губаревич-Радобильский, лично побывавшие в эмирате. Фундаментальное исследование, содержащее подробный анализ всех сторон жизни Бухарского эмирата (в том числе политической, правовой, экономической и проч.), было проведено российским чиновником и исследователем Д.Н. Логофетом в начале XX в. — в связи с тем, что в это время вновь был поднят вопрос об окончательном присоединении Бухарского эмирата к Российской империи [Логофет, 1911а; 1911б]. О Хиве под российским протекторатом писали Н.И. Веселовский, А.Л. Кун, Ф.И. Лобысевич, К. Гиршфельд. Кратковременный период нахождения Кокандского ханства под российским протекторатом (1868–1876) нашел отражение в работах того же А.Л. Куна, В.П. Наливкина и др. Общий обзор российских контактов со среднеазиатскими ханствами в XVI–XIX вв. осуществил С.В. Жуковский [Жуковский, 1915].

В советский период исследованием истории Бухары, Хивы и Коканда занимались Д.Ю. Арапов, Т.К. Бейсембиев, С.З. Зиманов, Б.И. Искандаров, А.И. Ишанов, Л.Г. Левтеева, Р.Н. Набиев, Х. Пирумшоев, В.М. Плоских, И.В. Погорельский, А.С. Садыков, А.А. Семенов, О.А. Сухарева, Т.Г. Тухтаметов, А.П. Фомченко, Н.А. Халфин, М.Ю. Юлдашев.

В постсоветский период проблемы истории отношений России со среднеазиатскими ханствами исследовали С.Н. Брежнева, Б.М. Бабджанов, Т.К. Бейсембиев, А.Д. Васильев (взаимоотношения среднеазиатских ханств с Османской империей и позиция России в связи с ними), Т.В. Котюкова, М. Ниязатов, О.А. Соловьева, А.С. Эрки-

нов, а также авторский коллектив (С.Н. Абашин, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов и др.), подготовивший фундаментальное исследование о взаимоотношениях России со Средней Азией в конце XVIII — начале XXI в. [Россия, 2011a; 2011б]¹. К авторам, которые изучают Бухарский эмират и Хивинское ханство в период XIX — начала XX в., относятся, в частности, А.И. Пылев и отчасти В.Л. Генис, причем последний, сосредоточивается на событиях, предшествующих падению Бухары и Хивы как самостоятельных ханств, т.е. преимущественно 1917–1920 гг. Кроме того, ряд авторов рассмотрели взаимоотношения Российской империи и ханств Средней Азии (затронув и их правовой аспект) в рамках анализа политико-правового развития Туркестанского края — можно назвать, в частности, работы Ф.Т. Тухатметова, Е.А. Глущенко, Е.Ю. Сергеева, Д.В. Васильева.

Можно также отметить, что в последние годы в России и постсоветских государствах Средней Азии (Узбекистане и Таджикистане) защищено значительное количество диссертаций по истории нахождения Бухары, Хивы и Коканда под российским протекторатом (см., например: [Бороздин, 2012; Давронов, 1990; Егоренко, 2008; Еров, 2005; Каюмов, 2005; Маткаримова, 2010; Топилдиев, 2009]). Однако большинство из них также посвящено вопросам политической истории или экономическому развитию, правовые же аспекты затрагиваются чаще всего косвенно, и даже юридические памятники в таких исследованиях используются преимущественно как исторические источники.

Западная историография по рассматриваемой проблематике начала складываться в основном во второй половине XIX в. в связи с «Большой игрой» — соперничеством Российской и Британской империй за контроль над Центральной Азией в середине XIX — начале XX в. К числу наиболее известных относятся труды У.Э. Бакстера, Дж.У. Букуолтера, У.Э. Кергиса, Дж.Н. Керзона, Дж. Добсона, Г. Лансделла, Г. Норманна, О. Олуфсена, Ю. Скайлера и др. Отметим, что многие из этих авторов лично побывали в Средней Азии (Русском Туркестане, Бухаре и Хиве) и, следовательно, их работы могут также считаться и свидетельствами очевидцев, т.е. источниками. Принимая во внимание факт многолетнего противостояния России со странами Запада

---

¹ Также к данной тематике относятся и отдельные работы членов авторского коллектива данной книги (например: [Бабаджанов, 2004; Germanov, 2007]).

в Центрально-Азиатском регионе (особенно — с Англией), не приходится удивляться преимущественно негативным оценкам российской политики в этом регионе со стороны европейских и американских авторов, обвинению российских властей в «колонизаторстве», навязыванию своих политических и правовых институтов среднеазиатским государствам, подавлению местных традиций и проч.

В XX — начале XXI в. западные авторы в большей степени сосредоточиваются на изучении «Русской Средней Азии», т.е. Туркестанского края в период Российской империи или же среднеазиатской политике Российской империи в целом². Лишь отдельные исследователи (в частности, С. Беккер, А. Франк и Э. Каррер д'Анкосс) посвящали специальные труды российским протекторатам — Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству.

В 1990-е годы в западной науке начинает развиваться новое направление изучения «имперской истории» России. Его представители предпочли отказаться от «колониационной» парадигмы (в западном понимании этого термина) и характеристики Российской империи как «тюрьмы народов», начав изучение ее как «полиэтнической империи», в развитии которой учитывалось национальное своеобразие отдельных народов и национальных окраин. В рамках этого направления наибольший интерес представляют работы А. Каппелера, Д. Бёрбанк, С. Беккера, Э. Каррер д'Анкосс, А. Эткинда. Этот подход позаимствовали также и отечественные авторы, которые в его рамках стараются подчеркнуть несхожесть политики европейских колониальных империй (в первую очередь Британской) и России и, приходя к выводу, что Российская империя не проводила колониаторской политики в отношении своих национальных окраин. Этот подход нашел отражение, в частности, в трудах С.В. Лурье, В.В. Трепавлова, Н.Е. Бекмахановой, С.И. Каспэ и др. Исследуя особенности формирования и функционирования России как «многонациональной империи» в целом, эти авторы рассматривают наравне с другими национальными регионами также Казахстан и Среднюю Азию, находя в российской политике по отношению к этим регионам как черты, характерные для имперской национальной политики, так и особенности, объясняемые их спецификой. При этом одни исследователи в

---

² Наиболее ярким примером такого подхода является исследование британского специалиста А. Моррисона [Morrison, 2008].

большей степени сосредоточиваются на анализе функционирования в указанных регионах имперских властных институтов (А. Каппелер, Н.Е. Бекмаханова), другие — на особенностях развития права и суда (Д. Бёрбанк), третьи — на проблемах понимания подданства (С. Беккер, В.В. Трепавлов).

Большинство исследовательских работ посвящено вопросам политического и экономического взаимодействия России со странами и регионами Центральной Азии. Также рассматриваются проблемы взаимодействия в социальной, культурной и религиозной сфере. Вопросы правового развития государств и народов Центральной Азии затрагиваются в незначительной степени и, опять же, в контексте их общеполитического и социально-экономического развития. Вместе с тем следует отметить, что вопросы правового развития Бухары и Хивы в период российского протектората не получили широкого освещения в исследовательской литературе. Безусловно, они затрагивались, однако преимущественно в отчетах российских чиновников, либо же в общих трудах по истории всего региона или отдельных его стран. К числу таких исследований можно отнести работы российских чиновников дореволюционного периода Л.Ф. Костенко, Е.Л. Маркова, А.А. Семенова, советских историков-востоковедов П.П. Иванова, А.Л. Троицкой, современных исследователей Д.Ю. Арапова, Б.М. Бабаджанова, Э.Э. Каримова, М. Ниязматова и др. Ценность их работ повышается еще и за счет того, что они в рамках своих исследований вводят в оборот правовые документы Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, осуществляя и их русский перевод.

Что касается специальных работ по истории государства и права ханств Средней Азии (в том числе и в период протектората), то единственное известное нам фундаментальное исследование (а также ряд научных статей) по этой тематике принадлежит Ю.Ф. Луневу [Лунев, 2004; 2009а; 2009б]. Однако он в большей степени рассматривает право Бухары, Хивы и Коканда в общем контексте мусульманского права, не учитывая ни тюрко-монгольских традиций, ни чингизидского (монгольского имперского) правового влияния.

Влияние же Российской империи на правовое развитие Центрально-Азиатского региона, насколько нам известно, предметом специальных исследований не являлось вообще. Данная монография представляет собой попытку хотя бы отчасти восполнить этот пробел. В рамках проведенного исследования были изучены различные аспек-

ты правового взаимодействия Российской империи с государствами Центральной Азии — в первую очередь с Бухарским ханством (эмиратом) и Хивинским ханством. Три первые главы посвящены трем основным этапам развития этого взаимодействия и включают изучение их различных аспектов, позволяя оценить развитие правовой политики Российской империи в Центрально-Азиатском регионе.

В первой главе дана характеристика международно-правовых связей России с ханствами Средней Азии и их отдельными представителями с начала XVIII до середины XIX в. Этот период можно охарактеризовать как «эпоху накопления знаний» России о Центрально-Азиатском регионе. К началу XVIII в. российские власти имели весьма туманные представления о среднеазиатских государствах и народах, их государственном устройстве, правовой системе, обычаях и традициях. Незнание и непонимание специфики политико-правового развития ханств Средней Азии, а также великодержавные амбиции ранней Российской империи привели к ряду трагических ошибок при выстраивании отношений с Бухарой и Хивой — наиболее значительной из них стало уничтожение экспедиции князя А. Бековича-Черкасского в 1717 г., оказавшее значительное влияние на выстраивание международно-правовых отношений России со среднеазиатскими ханствами в дальнейшем. Не сумев установить власть над среднеазиатскими ханствами, Российская империя в большей степени стала уделять внимание развитию торговли со Средней Азией, но и на данном направлении довольно долго не было четкой правовой политики, поскольку в течение почти всего XVIII в. Средне-Азиатский регион рассматривался всего лишь как «перевалочный пункт» для торговли со «сказочной» Индией. Лишь ближе к середине века российские власти осознали перспективность самой Средней Азии для российской торговли и закрепили особый правовой статус среднеазиатских торговцев (в русской правовой традиции — «бухарцев») на территории России в надежде на то, что монархи Средней Азии в ответ предоставят аналогичные льготы и привилегии русским купцам в своих владениях. Однако этого не произошло, и враждебные действия среднеазиатских ханов против русских торговцев и даже дипломатов заставили имперскую администрацию прибегать к экономическим санкциям против ханств Средней Азии. Однако, как будет показано ниже, и в данном случае российские власти не вполне учли специфику политико-правового устройства среднеазиатских государств, так что эти

меры — весьма эффективные в европейской правовой практике — имели куда меньший эффект, чем ожидалось при их реализации.

Вторая глава посвящена следующему этапу российской правовой политики в Средней Азии во второй половине XIX в. — процессу установления и развития системы протекторатов, в число которых попали три крупнейших государства региона: Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства. К этому времени в России, благодаря многочисленным поездкам дипломатов, торговцев и ученых, был накоплен значительный объем знаний о Средне-Азиатском регионе, его странах и народах, государственности и праве, экономическом состоянии и социальном устройстве. Это отразилось и на отношениях Российской империи с ханствами Средней Азии, при выстраивании которых имперские власти уже начали отходить от «европейских» принципов международно-правовых отношений и использовать в отношении с монархами региона те же принципы и нормы, которыми руководствовались сами местные правители. Попытки решения проблем чисто дипломатическими и экономическими методами стали чередоваться с военными действиями. В результате значительная часть территории среднеазиатских ханств вошла непосредственно в состав Российской империи (они составили Туркестанский край), а сами эти государства попали под имперский протекторат. Правовыми последствиями этих действий стали: интеграция восточных монархов (фактически вассалов России) в имперскую сановную элиту, возрастание роли российских дипломатических представителей в самих ханствах. Вместе с тем среднеазиатские протектораты получили возможность опираться на военную поддержку покровительствующей им империи: российские войска неоднократно использовались в ханствах для решения их внутренних проблем.

Третья глава посвящена анализу правовой политики имперских властей в своих среднеазиатских владениях, а также в отношении российских подданных и российских поселений в среднеазиатских ханствах — в той мере, в какой эта политика могла служить примером для протекторатов. Население Бухары и Хивы, проживавшее по соседству со своими соплеменниками в Русском Туркестане, русскими «анклавами» в Бухаре или русскими торговцами в Бухаре и Хиве, имело возможность в повседневных условиях оценить преимущества российского управления и права и целесообразность заимствования их принципов и норм самими ханствами — как, например, происхо-

дило в налоговой сфере. Кроме того, в ряде случаев правовые нормы, действовавшие в русских владениях (в том числе и в «анклавах») со временем стали распространяться и на территорию самих ханств — под предлогом защиты интересов русских подданных в отношениях с местными жителями. В рамках исследования эта тенденция рассмотрена на примере изменения статуса женского населения в Средней Азии, а также регулирования производства и распространения алкогольной продукции.

В четвертой главе анализируются инструменты российского влияния на правовое развитие среднеазиатских государств. Специфический статус ханств (формально продолжавших сохранять независимость) не позволял России открыто распространить на них принципы имперского управления и правового регулирования. Соответственно, приходилось использовать средства и методы «косвенного влияния». Специфика хозяйственной деятельности ханств позволила российским властям укрепить свое влияние и добиться упрочения контроля над Бухарой и Хивой путем регулирования такой, казалось бы, специфической сферы, как водопользование. Не менее специфическим (но от этого не менее эффективным) средством влияния России в ханствах стала реорганизация их вооруженных сил. По мере расширения российского политического и экономического присутствия в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве власти империи стали предпринимать все более решительные меры по интеграции протекторатов в российское политико-правовое и экономическое пространство. Это привело сначала к включению Бухары и Хивы в таможенную черту Российской империи в конце XIX в., а затем — и к попыткам «валютного объединения» на рубеже XIX–XX вв. Все эти действия, характерные и для современных процессов экономической интеграции, подчеркивают ценность изучения исторического опыта подобных объединений на евразийском пространстве в прошлом.

В последней главе анализируются ситуации, когда средства и методы, разработанные и эффективно применявшиеся имперской администрацией для влияния на политико-правовое развитие ханств Средней Азии, оказывались неактуальными. Причиной тому мог быть особый статус того или иного региона, что рассмотрено на примере Западного Памира, который в 1895 г. формально вошел в состав Бухарского эмирата, но фактически находился под контролем российских военных властей.

Другой причиной необходимости изменить средства и методы правового влияния в среднеазиатских протекторатах являлись чрезвычайные обстоятельства, в которых требовалось принимать более решительные меры для сохранения контроля российской администрации в Бухаре и Хиве. Наиболее сложная ситуация сложилась в 1916 г., когда практически всю территорию «русской Средней Азии» охватило мощное восстание. Имперской пограничной администрации пришлось временно прекратить сохранять видимость невмешательства в дела Бухары и Хивы и фактически ввести в них российское военное правление, чтобы не допустить участия в восстании и местного населения. Меры оказались эффективными, но уже в следующем году в России произошла революция, к власти пришло Временное правительство, которое, в свою очередь, постаралось сохранить контроль над Бухарой и Хивой, вместе с тем провозгласив курс на проведение в них радикальных политических и правовых реформ.

В качестве заключения автор приводит анализ оценок российско-го протектората представителями бухарской элиты конца XIX — начала XX в., которые, как представляется, позволяют увидеть, насколько имперское влияние на правовое развитие Бухарского эмирата нашло отражение не только в формировании правовых институтов, регулировании правоотношений, но и в политико-правовом сознании представителей местного населения.

Таким образом, целью настоящей книги является анализ средств и методов правовой политики Российской империи в Центральной Азии и выявление степени ее влияния на правовое развитие государств этого региона, нашедшее отражение как на международно-правовом уровне (прежде всего, в отношении с той же Россией), так и во внутренней политике местных правителей, в повседневных правозначимых отношениях жителей среднеазиатских государств.

Исследование «русского фактора» в правовом развитии ханств Средней Азии до и после установления имперского протектората является важным и актуальным направлением, тем более что имеется достаточно широкий круг источников, позволяющих всесторонне и объективно исследовать и оценить этот процесс и большое количество исследовательских работ, положения которых можно критически анализировать или развивать в соответствии с выбранной тематикой.

В связи с этим нельзя не отметить, что в процессе проведения исследования автор не ограничивался только источниками и литера-

турой, посвященной политике Российской империи в Центральной Азии. Понять причины тех или иных юридически значимых действий, принятия нормативных актов, равно как и степень их актуальности в конкретный период невозможно без знания политических и правовых процессов в самой России в это время. Именно поэтому привлекался широкий круг исследований, относящихся к истории различных отраслей права и правовых институтов в Российской империи на том или ином этапе ее существования.

Автор при проведении исследования опирался на теорию фронтальной модернизации, в соответствии с которой Российская империя в рамках своей политики стремилась повышать уровень развития окраин до уровня наиболее развитых регионов империи с целью эффективной интеграции окраин в имперское политическое, правовое, экономическое, культурное пространство. Эта теория получила развитие в начале XXI в. в рамках уральской исторической школы, которая в течение ряда лет применяет некоторые положения теории фронта, созданной Ф.Дж. Тёрнером на рубеже XIX–XX вв., взявшим за основу опыт американской экспансии на Дальний Запад [Тёрнер, 2009]. Несмотря на то что уже вскоре после появления теория подверглась серьезной критике, она нашла немало последователей, в том числе и российских, применяющих наработки Тёрнера в изучении продвижения России в Поволжье, на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке и т.д. — порой даже проводя прямые параллели между освоением восточных территорий Россией и западных — Америкой (см., например: [Агеев, 2005; Резун и др., 2001]).

Соответственно, теория фронтальной модернизации, по сути, представляющая собой своеобразное «ответвление» теории фронта в сочетании с теорией модернизации, в настоящее время привлекает внимание исследователей, в том числе и Центрально-Азиатского региона. Она была сформулирована екатеринбургским историком И.В. Побережниковым, построившим на ее основе свое диссертационное исследование [Побережников, 2011б, с. 13], и нашла поддержку со стороны не только историков, но и ряда представителей историко-правовой науки. По тематике настоящей монографии можно отметить (помимо трудов И.В. Побережникова), в частности, работы А.Ю. Быкова, А.Г. Вишневого, Е.В. Дорджиевой, Т.В. Котюковой, В.И. Султановой [Быков, 2003; Вишневский, 1996; Дорджиева, 2008; Котюкова, 2015; Султанова, 2012].

Однако, как уже отмечалось, необходимо рассматривать процессы фронтальной модернизации, обеспечиваемые Россией в Центральной Азии, в контексте модернизации самой Российской империи, в особенности в ее правовой сфере. Поэтому в процессе исследования автор в значительной степени опирался на труды исследователей государства и права России, изучающих процессы политической и правовой модернизации Российской империи как раз в тот период, которому посвящена настоящая монография. Наиболее востребованными в рамках такого подхода являются труды А.А. Дорской, Г.А. Жолобовой, С.В. Лонской, М.В. Немыгиной, А.С. Тумановой. Также большой интерес представляют собой исследования, посвященные истории отдельных имперских административных и правовых институтов, которые активно внедрялись и в Центрально-Азиатских регионах, подконтрольных России, — к ним можно отнести труды С.Н. Жарова, Н.С. Нижник и др.

Цель настоящей монографии — показать, что Российская империя стремилась проводить в подконтрольных ей регионах Центральной Азии (в том числе и в среднеазиатских протекторатах) политику фронтальной модернизации, постепенно повышая их экономический, правовой и культурный уровень с целью постепенной интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Таким образом, говорить о «колонизаторской» политике России в Центральной Азии с позиций XIX–XX вв. представляется неактуальным, поскольку современный уровень науки дает возможность исследовать российскую имперскую политику в этом регионе не в узких рамках колониационного или классового подходов, а с учетом различных критериев, позволяющих провести всесторонний анализ имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы³.

Юридическими источниками о правоотношениях Бухары и Хивы с Россией являются в первую очередь, конечно же, договоры и соглашения Российской империи с этими государствами. Главное место среди них, безусловно, занимают мирные договоры Российской им-

---

³ Развитие некоторых идей автора настоящей монографии, а также выявление ряда новых направлений исследования модернизационных процессов, осуществлявшихся Российской империей в среднеазиатских ханствах с привлечением в том числе и архивных материалов нашло отражение в недавней публикации [Лысенко, Гончаров, 2017].

перии с Бухарским эмиратом 1868 г. и Хивинским ханством 1873 г., а также договор о дружбе между Россией и Бухарой 1873 г.: именно эти документы, Несмотря на то что формально регламентировали преимущественно торговые отношения между сторонами, фактически явились правовой основой отношений «сюзерен — вассал» между Россией и среднеазиатскими ханствами. Эти акты многократно публиковались в сборниках международных договоров, а также в качестве приложений к исследовательским работам (см., например: [Национальная политика, 1999; Ремез, 1922; Сборник, 1902; 1952]). Известен также ряд документов по отдельным вопросам взаимодействия Российской империи с ханствами Средней Азии — в частности, проанализированная в настоящем исследовании серия правовых актов о регулировании производства и продажи алкогольной продукции в Бухарском эмирате, о включении эмирата в русские таможенные границы, о фиксации курса местной валюты — танги [Жуковский, 1915, с. 191–196] и т.п.

В меньшей степени исследователями задействованы рапорты и отчеты российских чиновников, отвечавших за контакты с властями Бухарского эмирата и Хивинского ханства, решения органов центральной власти относительно дальнейших преобразований в Бухаре и Хиве. Большое число таких документов (отчетов о командировках, аналитических записок и проч.) вошло в многотомное собрание «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшееся Главным штабом под грифом «Секретно» (всего за 1883–1914 гг. было издано 87 выпусков и 9 дополнений). Некоторые документы подобного рода были опубликованы также и в последнее время (см., например: [Арапов, 2002; Арапов, Котюкова, 2006; Бухерт, 2002а; 2002б; 2003а; 2003б; 2011; Туркестан, 2016]). Определенное количество таких источников вошло в тематические сборники, на первый взгляд, не относящиеся к истории отношений Российской империи с ханствами Средней Азии. Так, например, отдельные документы переписки российской администрации Туркестана с чиновниками в Бухаре и Хиве вошли в сборники, посвященные восстанию 1916 г. в Казахстане и Средней Азии [Восстание, 1960; 2016].

Большой интерес представляет также переписка между российскими имперскими властями (центральными и туркестанскими) и высшими органами власти Бухарского эмирата и Хивинского хан-

ства. Формально не имея права воздействовать на правовую политику среднеазиатских монархов, представители российских властей направляли им специальные послания, содержащие «рекомендации» по внесению изменений в законодательство, систему управления, регулирование экономических отношений. Бухарский же эмир и хивинский хан исполняли эти «рекомендации», издавая собственные указы (ярлыки) и распоряжения — в результате создавая впечатление, что инициатива преобразований исходила от них самих. Такие документы периодически публикуются (см., например: [Искандаров, 1958, с. 127–131; Халфин, 1975б, с. 77–126; Столыпин, 2003]) или цитируются в соответствующих исследованиях. Однако гораздо большее число их до сих пор не опубликовано и хранится в Центральной государственном архиве Республики Узбекистан (фонды «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора», «Канцелярия Русского политического агентства (Бухара)», «Канцелярия хивинского хана»)⁴.

Взгляд на отношения Российской империи с ее протекторатами «с другой стороны» представлен в исторических сочинениях бухарских, хивинских и кокандских авторов, которые высказывают свои оценки относительно действий русских властей и войск в Средней Азии, оценивают проводимые преобразования. Среди таких авторов можно назвать, в частности, Абдал-Азима Сами, Ахмада Дониша, Садриддина Айни, Нияз-Мухаммада Хоканди, Мирзу Салимбака и др.

Ценными источниками неюридического характера являются свидетельства современников — российских чиновников, осуществлявших деятельность в Средней Азии, иностранных дипломатов и путешественников. Первые две категории этих источников, на наш взгляд, следует использовать с определенной степенью критичности: представители бухарской или хивинской элиты, конечно же, считали, что Россия чрезмерно вмешивалась во внутренние дела их государств, тогда как русские чиновники, озвучивая в своих работах официаль-

---

⁴ Большая работа по введению документов из архива ЦГА РУз была проведена группой узбекистанских, английских и немецких ученых, осуществляющих оцифровку и публикацию в Интернете электронных версий документов, а также статей из дореволюционных периодических изданий по истории Средней Азии и Кавказа в имперский период в рамках проекта «Зеркала» (Zerrspiegel). <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>.

ную позицию властей, напротив, склонны были утверждать, что такое вмешательство было минимальным⁵.

В связи с этим свидетельства иностранных современников наиболее объективно отражают российское влияние на государственность и право Бухары. Во-первых, европейцы или американцы, лично побывавшие в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, неоднократно были вынуждены сталкиваться с проблемами правового характера и отмечали примеры российского влияния в конкретной ситуации. Во-вторых, многие путешественники являлись иностранными разведчиками, поэтому фиксировали именно реальное положение дел — в отличие от официальной российской или среднеазиатской документации. Исследователи истории Бухары и Хивы в период российского протектората уже давно высоко оценили свидетельства западных современников, однако как источник сведений о правовом развитии этих ханств под русским влиянием, они до сих пор не использовались. В начале XX в. были опубликованы записки, в частности, С. Грэхэма, У.Э. Кертиса, Г. Нормана, О. Олуфсена, У.Р. Рикмерса — все они содержат важные, хотя и лапидарные сведения о правовом развитии Бухары и Хивы под российским влиянием.

Еще одна группа источников — дневники и мемуары российских чиновников, имевших прямое отношение к формированию и правовому регулированию отношений Российской империи с протекторатами. Ценность их, по сравнению с официальной документацией, заключается в том, что при написании этих сочинений авторы уже не были связаны официальной позицией властей и, соответственно, могли излагать информацию и суждения более объективно. В качестве примера можно привести дневники и воспоминания военного министра Д.А. Милютина, записки первого русского политического агента в Бухаре Н.В. Чарыкова, дневник последнего туркестанского генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, воспоминания туркестан-

---

⁵ Впрочем, нельзя однозначно обвинять российских авторов, отражающих ситуацию в современных им Бухаре или Хиве, в полной необъективности. Напротив, в то время их сведения оценивались весьма высоко. Так, например, книга вышеупомянутого Д.Н. Логофета «Страна бесправия» (в общем-то, имевшая научно-публицистический характер) привлекалась в качестве источника руководством российской имперской администрации в Туркестане для выработки плана дальнейших преобразований в Бухарском эмирате [ЦГА РУз, Ф. И-2, оп. 31, д. 251, л. 29 и след.].

ского чиновника С.В. Чиркина, также одно время исполнявшего обязанности политического агента в Бухаре, и др.⁶

Наконец, небезынтересны и публикации в российской прессе второй половины XIX — начала XX в., отражающие как официальную, так и оппозиционную точку зрения относительно российских завоеваний в Средней Азии и дальнейшего выстраивания отношений с Бухарой и Хивой (см. подробнее: [Брежнева, 2011; Почекаев, 2014]). Огромная работа по сбору этой информации была проделана составителями «Туркестанского сборника» — уникальной подборки материалов о Туркестанском крае и соседних странах и регионах, публиковавшейся в прессе и в виде отдельных изданий. Он насчитывает 594 тома, изданных в 1867–1916 гг. (три последних были изданы в 1939 г.) и содержащих более 5 тыс. названий (книг, газетных и журнальных статей, иллюстраций, карт)⁷. В рамках настоящего исследования наибольшую ценность представляет именно подборка публикаций о политике Российской империи в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в., печатавшихся в самых различных газетах и журналах — начиная от правительственных «Военного сборника» и «Русского инвалида» до либеральных «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русского вестника» и консервативного «Русского мира».

Таким образом, в нашем распоряжении имеется значительная база источников, анализ которых позволяет проследить различные направления российского влияния на правовое развитие стран и регионов Центральной Азии, равно как и обширная историография, критический анализ которой также представляется целесообразным для решения задач, определенных в рамках настоящего исследования. Привлечение результатов ранее проведенных исследований и современных концепций развития отношений России с азиатскими народами и государствами позволили существенно повысить эффективность исследования.

---

⁶ Записки российских и западных современников, побывавших в Бухаре и Хиве в эпоху протектората, подробно проанализированы нами в рамках специального исследования [Почекаев, 2019, с. 232–269].

⁷ Единственный оригинальный экземпляр «Туркестанского сборника» хранится в собрании Государственной библиотеки Узбекистана им. А. Навои (Ташкент), однако в настоящее время он оцифрован и присутствует (полностью или частично) на ряде сайтов сети Интернет.

Автор выражает искреннюю благодарность российским и иностранным ученым, без советов, консультаций которых, предоставления ими возможности ознакомления с источниками и литературой не появилась бы эта книга: Д.Ю. Арапову, А.Д. Васильеву, Д.В. Васильеву, А.Ш. Кадырбаеву, Т.В. Котюковой (Москва), С.В. Любичанковскому (Оренбург), О.А. Махмудову (Ташкент, Узбекистан), А. Моррисону (Оксфорд, Великобритания), Г.Х. Самигулову (Челябинск), К.З. Ускенбаю (Алматы, Казахстан), О.А. Чернову (Самара), А. Шиоия (Цукуба, Япония), А.С. Эркинову (Ташкент, Узбекистан).

Глава I

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: МЕТОД ПРОБ И ОШИБОК

Имея продолжительный и в общем-то позитивный опыт взаимодействия с восточными кочевыми народами (начиная от государств — наследников Золотой Орды и заканчивая казахами, калмыками, монголами), Россия не смогла успешно использовать его при выстраивании отношений с государствами Средней Азии, поскольку помимо сходств с тюрко-монгольскими кочевыми государствами в сфере управления и правоотношений, они имели и существенные отличия. В связи с этим власти Российской империи, уже с начала XVIII в. стремившиеся упрочить ее позиции и влияние в Центрально-Азиатском регионе, совершили ряд серьезных ошибок при установлении контактов со среднеазиатскими ханствами, что стало причиной многолетних напряженных отношений с ними.

В результате правовую политику Российской империи в отношении государств и народов Центральной Азии в XVIII — первой половине XIX в. можно охарактеризовать как «метод проб и ошибок». К числу наиболее значительных ошибок в первую очередь следует отнести изначальное отношение России к Центрально-Азиатскому региону как к всего лишь транзитному пути при выстраивании экономических отношений с Индией и Китаем. Опрометчивой была и попытка использования международно-правовых инструментов и методов, которые применялись в отношениях с европейскими государствами, а также установка на мирное решение любых спорных вопросов и конфликтов, что среднеазиатские правители воспринимали как слабость и занимали еще более жесткую политику в отношении России.

§ 1. Экспедиция А. Бековича-Черкасского и память о ней в отношениях России с государствами и народами Средней Азии

В 1717 г. военно-дипломатическая миссия под руководством князя А. Бековича-Черкасского, направленного царем Петром I в Хивинское ханство, была разгромлена и истреблена войсками хана Ширгази. Гибель экспедиции, несомненно, произвела глубокое впечатление на царя Петра I и российские власти в целом. В самом деле, первая же попытка сделать Россию влиятельным игроком на центрально-азиатской политической арене завершилась катастрофой: многочисленный отряд был частично уничтожен, частично пленен; построенные А. Бековичем крепости вскоре были оставлены и разрушены — безопасность границы России с государствами и народами Центральной Азии существенно ослабла, да и вообще, активность российских центральных и пограничных властей в регионе была, по сути, свернута [Андреев, 2013, с. 271–272; Дело, 1871, стб. 326–400; Ниязатов, 2010, с. 47].

Неудивительно, что судьбе экспедиции А. Бековича-Черкасского посвящено немало работ, учитывая, насколько важные и разнообразные цели она преследовала — дипломатические, военно-политические, экономические и даже научно-исследовательские.

Также большой интерес исследователей вызывают противоречивые сведения о причинах гибели отряда А. Бековича-Черкасского, которые до сих пор так точно и не установлены. Нас же интересует, как судьба экспедиции повлияла на дальнейшее развитие взаимоотношений Российской империи с Хивинским ханством в частности и на российскую имперскую политику в Центральной Азии в целом.

Первыми, кто испытал на себе последствия катастрофы 1717 г., стали российские дипломаты, отправлявшиеся с миссиями в Центральную Азию. Первый же посланник Петра I в Среднюю Азию, уроженец Дубровника Флорио Беневени, побывавший в регионе в 1718–1725 гг., в своих реляциях царю неоднократно выказывал опасения, что может повторить судьбу А. Бековича, из-за чего наотрез отказывался ехать в конечный пункт своей миссии, Бухару, через Хиву: «Иза учинившегося известного несчастья князя Черкасского ехать чрез Хиву до Бухары никоим образом невозможно» [Беневени, 1986, с. 18].

Капитан Н.Н. Муравьев (впоследствии — один из крупнейших военачальников Крымской войны, вошедший в историю как Муравьев-Карский), который совершил поездку в Хивинское ханство с дипломатическими целями в 1819–1820 гг., т.е. столетие спустя после А. Бековича, также опасался разделить его судьбу. Как он писал в рапорте своему начальнику, майору М.И. Пономареву, находясь под стражей в крепости Ильгельды и не имея сведений о намерениях хивинских властей, он даже намеревался бежать оттуда, усмотрев в упоминаниях Бековича самими хивинцами намерение расправиться с ним так же, как некогда с последним [Муравьев, 1875, с. 709; Халфин, 1974, с. 113].

Невеселые воспоминания о судьбе А. Бековича присутствуют и в записках еще одного руководителя дипломатической миссии в Хиву — Г.И. Данилевского, побывавшего в ханстве в 1842 г. В своем отчете о поездке, составленной по возвращении, он, в частности, пишет: «Порсу — в 108 верстах на с.з. от Хивы... Это место возбуждает горестное воспоминание о предательском убийстве князя Бековича-Черкасского, который, после заключенного с хивинцами мирного договора, был приглашен сюда с небольшою свитою на пир и, по окончании трапезы, убит вместе с прочими русскими, бывшими при нем» [Данилевский, 1851, с. 110]. Вряд ли подобное соображение было бы включено в описание поездки, если бы автор, находясь там, не испытал тех же опасений повторить судьбу Бековича, какие возникали и у его предшественников.

Еще один важный вопрос, внимание к которому многократно возросло в российских властных и дипломатических кругах после уничтожения отряда А. Бековича — это судьба русских пленных в Хиве и вообще в среднеазиатских ханствах. Эта проблема являлась актуальной для отношений России с ханствами Средней Азии уже с XVI в., т.е. со времени отправления первых московских посольств в Бухару и Хиву. Однако она оставалась нерешенной еще и на протяжении всего XVII в., поскольку попытки русских дипломатов договориться со среднеазиатскими монархами об освобождении пленных чаще всего заканчивались ничем.

Теперь, в связи с тем, что после разгрома отряда А. Бековича в Хиве появилось довольно значительное число русских пленников из его отряда, эта проблема вновь стала актуальной для российских властей, которые озаботились судьбой русских рабов в Средней Азии.

Справедливости ради следует отметить, что пленные солдаты из отряда Бековича составляли отнюдь не большинство русских пленников в Хиве: практика захвата русских и продажи их в рабство в среднеазиатские государства началась еще в древности, и в начале XVIII в. ее осуществляли калмыки, каракалпаки, казахи [Веселовский, 1881, с. 2]. Просто уничтожение отряда А. Бековича стало, наверное, самым резонансным событием в русско-среднеазиатских отношениях, а в результате количество русских пленных в Хиве существенно возросло [Витевский, 1879, с. 207]. Таким образом, это событие послужило отправной точкой для возобновления переговоров с монархами Средней Азии о судьбе русских невольников. Неудивительно, что судьба солдат из отряда Бековича, попавших в плен, отслеживалась и неоднократно всплывала как в дипломатических документах, так и в других источниках — даже десятилетия спустя после разгрома экспедиции. Так, например, поручик Д. Гладышев и геодезист И. Муравин, побывавшие в Хивинском ханстве в 1740–1741 гг., отмечали в отчете по итогам поездки, что в самой Хиве находится около 3 тыс. пленных из отряда Бековича — «как русских, так калмык и иноземцов», а также около 500 человек в Аральском владении [Гладышев, Муравин, 1851, с. 18].

Весьма интересным представляется сообщение о судьбе участников экспедиции А. Бековича, попавших в Хивинский плен, содержащееся в работе выдающегося историка Г.Ф. Миллера «Известие о песошном золоте в Бухарии...». Согласно его сведениям, в 1728 г. русские пленные приняли участие в восстании против хана Ширгази (который и приказал умертвить А. Бековича и его отряд). И хотя восстание было подавлено, сам хан во время этих беспорядков был убит [Миллер, 2005, с. 479–480]. Некоторое число пленников из отряда А. Бековича вскоре покинули Хиву. Согласно запискам сержанта Ф.С. Ефремова, попавшего пленником в Бухару в 1774 г. и вернувшегося в Россию через восемь лет, 100 пленных были спасены от казни «хивинским хожой» (т.е. влиятельным представителем духовенства) и отправлены в Бухару, где местный хан сформировал из них отряд собственных телохранителей, причем «без них он никуда не выезжал». Сам Ефремов еще застал в Бухаре пятерых из них, достигших уже столетнего возраста [Ефремов, 1811, с. 89, 94–95].

Несомненно, военная составляющая целей и задач экспедиции А. Бековича-Черкасского, являлась наиболее значительной, поэтому

неоднократно осмыслялась и современниками, и последующими государственными деятелями (дипломатами и военачальниками), равно как и военными историками. Так, уже Ф. Беневени, совершивший поездку в Среднюю Азию буквально «по горячим следам», т.е. сразу после гибели экспедиции Бековича, заявлял по итогам своей поездки: «Мочно б легко сперва Хивую завладети, употребляя искусства и способы не таковы, какие употреблял бывший там князь Черкасской» [Беневени, 1986, с. 131]. Н.Н. Муравьев, поддерживая его точку зрения, также утверждал: «Неудачная даже экспедиция Князя Бековича, еще более нас удостоверяет в возможности покорить Хиву; ибо он с весьма небольшими средствами достиг до оной, и не простительная лишь оплошность его была причиною что его изменнически захватили, умертвили и истребили отряд. Не обсуживая дел столь мало известных нам, казалось, что хотя он и был обманом взят, но отряд его не был бы истреблен, если бы Князь Бекович имел более духа и не согласился на расположение его на отдаленные квартиры» [Муравьев, 1822б, с. 112].

Наиболее актуальными воспоминания о гибели экспедиции оказались во время подготовки и реализации так называемого зимнего похода, который в 1839—1840 гг. осуществил против Хивы оренбургский военный губернатор В.А. Перовский. Уже в конце 1830-х годов, когда он только задумывал поход, представители центральных властей напоминали ему о судьбе экспедиции А. Бековича [Юдин, 1896, с. 422—423]. Позднее, во время похода, когда его участники столкнулись с трудностями, которых не ожидали, как писал военный историк генерал М.И. Иванин, «им начала представляться... тень Бековича, измученного в Хиве» [Иванин, 1874, с. 125].

Любопытно, что трагический опыт экспедиции А. Бековича-Черкасского вспоминался не только военными и не только в связи с военными действиями непосредственно против Хивы. Так, в 1870 г. во время восстания казахов Мангышлака (выступавших против очередной реформы управления в Казахстане, проводившейся в конце 1860-х годов) мангышлакский пристав подполковник Рукин совершил ту же ошибку, что и Бекович: вступив в переговоры с восставшими, он решил сдать, после чего его отряд был истреблен. Параллель с действиями Бековича была настолько очевидной, что даже его подчиненные, по свидетельствам участников событий, якобы говорили во время этих переговоров: «Сложите оружие; должно быть, нам на роду написано

погибнуть, “как с Бекачем”» [Потто, 1900, с. 126]. Аналогичным образом провел параллель между Бековичем и Рукиным военный историк М.А. Терентьев, писавший вскоре после происшедших событий: «Рукин повторил в миниатюре все ошибки Бековича-Черкасского» [Терентьев, 1875, с. 103]. Характерно, что М.Д. Скобелев, возглавляя военную экспедицию против ахалтекинских туркмен в 1880–1881 гг., советовал подчиненным при вступлении в контакт с местным населением: «При всем том, как бы небосклон не представлялся безнадежно радостным, тем крепче держите камень за пазухой. Помните князя Бековича-Черкасского, подполковника Рукина...» [Арцишевский, Чанский, 1883, с. 413].

Впрочем, со временем, по мере продвижения России в Среднюю Азию, т.е. фактической ликвидации негативных последствий гибели экспедиции А. Бековича, отрицательные оценки результатов его экспедиции стали дополняться и положительными. В какой-то мере начало этой тенденции положил Н.Н. Муравьев в вышеприведенном суждении о том, что именно его экспедиция показала: захватить Хиву можно. Еще одним примером апологии Бековича является, пожалуй, высказывание генерал-лейтенанта Н.А. Веревкина, наказного атамана Уральского казачьего войска, который на торжественном обеде в честь его возвращения из хивинского похода 20 июля 1873 г. заявил: «Поистине надобно удивляться, как удалось Бековичу достигнуть Хивы и привести туда несколько человек живыми...» [Витевский, 1879, с. 387].

Наряду с осмыслением ошибок А. Бековича, военные — иногда официально, а иногда и как бы «подсознательно» — в течение более чем полутора веков культивировали идею «мести» за него хивинцам, т.е. своеобразного реванша в противостоянии с Хивой. Наверное, первым его отражением стало вышеупомянутое сообщение Г.Ф. Миллера о восстании русских пленных против Ширгази в 1728 г., которое начинается словами: «По прошествии десяти лет лукавому хану хивинскому отмщено было за такое бесчеловечие теми же россиянами, которых он полонил при оном и при других случаях» [Миллер, 1760, с. 26]. Такой мотив присутствует и в действиях отряда В.А. Перовского во время вышеупомянутого «зимнего похода» 1839–1840 гг. [Morrison, 2014, p. 282]. Позднее, уже в 1870 г., туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в письме директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоухову отмечал: «Осно-

ываясь на исторических фактах 1717 и 1839 гг. [имеются в виду экспедиции А. Бековича-Черкасского и В.А. Перовского. — *Р. П.*] и рассчитывая на неудобнопроходимые степи, отделяющие ее от грозного соседа и дважды спасавшие от гибели, Хива считает себя неуязвимой в отношении к нам...» (цит. по: [Халфин, 1965, с. 303–304]). Тем самым он давал понять центральным властям Российской империи, что «реванш» за два предыдущих поражения совершенно необходим.

И уж конечно, весьма актуальным оказались воспоминания о судьбе Бековича и его солдат во время похода войск под предводительством того же Кауфмана на Хиву в 1873 г. — в особенности, когда победа русского оружия стала уже очевидной. О намерении русских солдат «отомстить варварам за их вероломный поступок», т.е. истребление отряда князя Бековича-Черкасского, сообщает участник похода Е. Саранчов [Хивинская экспедиция, 1874, с. 1–2]. Американский корреспондент Д.А. Мак-Гахан, участвовавший в походе, упоминает об интересе российских солдат, вошедших в Хиву, к гробнице хана Ширгази — именно как виновника гибели А. Бековича и его отряда [Мак-Гахан, 1875, с. 217–218]. Характерным отражением этого мотива «реванша» можно считать пассаж из «Истории завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева: «Русский отряд у ворот Хивы можно рассматривать как гвардию, приставленную к хану по завещанию Петра I. Пусть вспомнит читатель, что отряд Бековича-Черкасского, по указу Петра Великого, должен был у б е д и т ь хивинского хана и бухарского эмира принять для охраны русскую гвардию. Бекович не убедил. Убедил Кауфман» [Терентьев, 1906б, с. 297]. Наконец, уже в 1874 г. в письме туркестанскому генерал-губернатору Кауфману начальник Амударьинского отдела Н.А. Иванов (впоследствии и сам генерал-губернатор Туркестанского края), докладывая о карательной экспедиции против туркмен, как бы мимоходом сообщает о вступлении отряда в «Старое Порсу, в котором, по преданию, изменнически умерщвлен и похоронен отряд Бековича-Черкасского» [Присоединение, 1960, с. 132], снова подразумевая, что русским войскам, наконец-то, удалось отомстить за давнее поражение. Это лишний раз показывает, что память об экспедиции А. Бековича в течение долгого времени сохранялась и, по-видимому, даже культивировалась в войсках, служивших в русской Средней Азии, коль скоро даже в официальном рапорте русский военачальник упоминает о ней.

Вместе с тем нельзя сказать, что в памяти современников и потомков судьба отряда А. Бековича-Черкасского осталась лишь из-за его сокрушительного разгрома. Как упоминалось выше, цели и задачи экспедиции были весьма многочисленны и разнообразны, и за два года пребывания в регионе, предшествовавшие гибели Бековича, ему удалось многие из них небезуспешно решить, включая изучение сухопутных и речных маршрутов, исследование местной географии и топографии, строительство крепостей и поселений. Неудивительно, что русские дипломаты, путешественники, военные и вскоре после роковой экспедиции, и многие десятилетия спустя обращались к опыту Бековича в рамках реализации различных направлений политики Российской империи в Средней Азии.

Например, посол Петра I Флорио Беневени ссылался на действия А. Бековича не только в дипломатическом, военном, но и в чисто организационном контексте: например, когда возникла необходимость выделения средств курьеру, он обратился к опыту Бековича, выяснив, что тот выделял курьерам по 10 руб., что, по мнению дипломата, было слишком мало [Беневени, 1986, с. 34]. Самарский купец Данила Рукавкин, во главе торгового каравана побывавший в Хиве в 1753 г., в своих записках по итогам поездки отметил, что двигался фактически по пути, проложенному и описанному Бековичем [Рукавкин, 1776, с. 212]. Также и участники хивинского похода 1873 г. двигались по пути Бековича-Черкасского [Хивинская экспедиция, 1874, с. 9].

Любопытно, что на опыт Бековича ссылались не только дипломаты, военные и путешественники, но и экономисты. Так, например, генерал С.А. Хрулев, как и Н.Н. Муравьев-Карский, который был героем Крымской войны, но в дальнейшем занявшийся предпринимательской деятельностью, с конца 1850-х годов разрабатывал (и в 1863 г. опубликовал) проект по созданию Товарищества для развития торговли со Средней Азией. Указывая места для потенциальных торговых факторий, он ссылался на опыт А. Бековича, который еще в 1716 г. построил укрепление в Балханском заливе, на восточном берегу Каспийского моря [Хрулев, 1863, с. 36].

Остатки укреплений А. Бековича, оставленных русскими и уничтоженных вскоре после гибели его отряда, тем не менее сохранились, и информация о них периодически оказывалась востребованной в контексте развития военной инфраструктуры Российской империи на восточном берегу Каспийского моря. Так, еще в 1836 г. И.Ф. Бла-

рамберг, проводя топографические исследования в этом регионе, упомянул об этих остатках укреплений в Красноводском заливе [Бларамберг, 1850, с. 75]. Как известно, впоследствии именно здесь был основано в 1869 г. Красноводское укрепление, ставшее одним из плацдармов для будущего вторжения российских войск в Хивинское ханство.

Любопытно отметить, что созидательная деятельность А. Бековича-Черкасского, т.е. возведение им крепостей и строительство населенных пунктов, произвела весьма глубокое впечатление на местное население — в частности, казахов и туркмен, в том числе и признававших сюзеренитет Хивинского ханства. Причем со временем факты обрастали все новыми деталями, превращаясь уже в своего рода степные предания.

Так, Н.Н. Муравьев упоминает, что в устье Амударьи сохранились остатки русской избы, построенной, вероятно, во время экспедиции Бековича: «О построении коей даже и старики не имеют никакого предания; окрестные же жители по сию пору не смеют ломать оной, имея к ней таинственной страх и почтение» [Муравьев, 1822а, с. 76]. Е.Б. Килевейн, участник посольства Н.П. Игнатьева в Бухару и Хиву в 1858 г., сообщает о некоей «четырёхугольной, пирамидальной башне» у Айбугирского озера: «Эта башня, по словам туземцев, построена князем Бековичем, который, как известно, отправился в 1717 г. по поручению Петра Великого в Хиву, где и погиб со всеми спутниками. (Он был умерщвлен в г. Порсу, в 100 верстах на с.-з. от Хивы.) Говорят, что подобных башен много в Ханстве и все они приписываются князю Бековичу. Но этому трудно верить, ибо он едва ли имел возможность заниматься подобными постройками во время своего похода» [Килевейн, 1861, с. 95–96]. Сходное сообщение приводит и участник хивинского похода 1873 г. Е. Саранчов: «На террасе, непосредственно возвышающейся над укреплением, находится сплошная постройка, сложенная из необтесанных кусков камня; она представляется в виде усеченной четырехгранной пирамиды, сторона основания которой, также как и высота, около 3 саж. Что касается до ее назначения, то она, вероятно, играла роль сторожевой башни. Опрошенные мною киргизы отзывались об этом укреплении как о постройке русских (кн. Бековича-Черкасского), хотя едва-ли это верно, так как отряд Бековича прошел значительно южнее» [Хивинская экспедиция, 1874, с. 81].

Как видим, не только для русских, но и для жителей Средней Азии поход А. Бековича-Черкасского был заметным событием, которое надолго осталось в их памяти и даже (что, впрочем, характерно для степных традиций) стало со временем трансформироваться в нечто вроде предания.

Соответственно, теперь следует обратиться к тому, как судьба экспедиции А. Бековича-Черкасского отразилась на позиции «контр-агента» России по дипломатическим отношениям — Хивинского ханства. Сразу стоит отметить, что эта позиция в течение долгого времени оставалась весьма противоречивой.

С одной стороны, хивинские правители опасались мести русских за расправу с отрядом А. Бековича — и, как мы отметили выше, не без оснований. Поэтому вскоре после трагической гибели отряда вместе с его предводителем хивинский хан Ширгази попытался восстановить мирные отношения с Россией, направив Петру I ярлык, в котором излагал свою версию событий, фактически выражал сожаление о происшедшем и намерение установить мирные и дружеские отношения [АВ ИВР РАН, разр. № II, оп. 6, ед. хр. 55]. С той же целью он неоднократно отсылал приглашения Флорио Беневени, посланнику Петра I, ехать в Бухару через его владения и даже обещал обеспечить охрану на обратном пути вплоть до Астрахани, «дабы через такую услугу желаемый мир получить» [Беневени, 1986, с. 88].

Опасения, что русские придут и отомстят за убийство А. Бековича, надолго пережили виновника его убийства — хана Ширгази [Попов, 1853, с. 56–58, 64–82]. Прошло 100 лет, и когда в Хиву в 1819 г. направился с дипломатической миссией капитан Н.Н. Муравьев, хан Мухаммад-Рахим (из совершенно другой династии Кунгратов, не связанной с той, к которой принадлежал Ширгази), вообразил, «что Русские пришли в Хиву для отмщения за кровь Бековича» [Муравьев, 1822а, с. 93]. Такое же опасение высказывали приближенные хана Алла-Кули, сына и преемника Мухаммад-Рахима: общаясь с попавшим в хивинский плен во время «зимнего похода» В.А. Перовского корнетом М.-Ш. Аитовым они говорили: «Как ты смело разговариваешь, что русское правительство не требует удовлетворения... за Девлет-Гирея [А. Бекович-Черкасский в Хиве упоминался под его прежним именем, которое он носил до крещения. — *Р. П.*]... Не может быть, чтобы это осталось без взыскания» [Цыпляев, 1911, с. 241].

Когда же российские войска в 1873 г. вторглись в Хиву, не только они сами «мстили, за Бековича», но и хивинские подданные рассматривали их действия именно так. Например, когда в мае 1873 г. отряд вышеупомянутого генерала А.Н. Веревкина взял и разорил город Мангит, местное население расценило его действия именно как «возмездие за истребление отряда Бековича-Черкасского в 1717 г.» [Костенко, 1887, с. 145].

Но с другой стороны, хивинские ханы, стремясь загладить вину за убийство А. Бековича и восстановить мир с Россией, периодически начинали обвинять в трагедии самих русских вообще и Бековича в частности. Так, например, тот же Ширгази, который всячески старался склонить к восстановлению мирных отношений Петра I — и в личной переписке, и через посредство его посла Ф. Беневени, в то же время вдруг неожиданно начинал укорять Бековича в намерении захватить Хиву, а впоследствии договорился до того, что вообще приписал ему намерение занять хивинский трон [Беневени, 1986, с. 67, 115–116]!

Когда в Хиве в 1858 г. оказался российский посол полковник Н.П. Игнатъев, он и члены его миссии столкнулись с крайне враждебным отношением со стороны местного населения: «Всякий, проходящий мимо русских на улице или перед помещением нашим, хивинец считал себя в праве и обязанным ругать нас и рассыпать угрозы, по нашему адресу, напоминая нам об участии отряда Бековича-Черкасского» [Миссия, 1897, с. 149]. Несомненно, в глазах подавляющей массы хивинцев вероломная расправа с русским отрядом являлась героическим поступком. Об этом можно судить, в частности, на основании сообщения хивинского историка Муниса (ум. 1829): «В год курицы Даулат-Гирей [А. Бекович-Черкасский. — *Р. П.*] и Андрей Губернатор с тридцатью тысячами русских с намерением овладеть Хорезмом [прибыли] к горам Шейх-Джалил-таги, в которых находятся золотые и серебряные рудники, и с этими помыслами остановились на границах Арала. Для защиты хан назначил с бесчисленным войском конграта Кул-Мухаммад-аталыка и наймана Эмир-Аваз-инака. Они заключили с Даулат-Гиреем перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней» [Shir Muhammad Mirab Munis, 1999, p. 57–58]. Характерно, что историк вдесятеро преувеличил численность отряда Бековича — вероятно, чтобы победа хивинцев над ним выглядела более впечатляющей!

Таким образом, с одной стороны, хивинцы в течение длительного времени опасались мести русских за убийство Бековича и его солдат, однако, с другой — сами же использовали память о нем, как средство дипломатического давления на российских дипломатов.

Не только хивинцы, но и другие тюрко-монгольские государства Средней Азии и прилегающих регионов нашли возможность задействовать память об экспедиции А. Бековича в своей политике в отношении друг друга и России. В частности, попытались использовать память о расправе с Бековичем в своих интересах правители так называемого Аральского владения — особого региона Хивинского ханства, которое в течение нескольких столетий находилось в конфронтации с ханами, правившими в Хиве [Почекаев, 2015a]. Так, во время миссии Ф. Беневени с ним связались эмиссары Шах-Тимура, правителя Аральского владения и претендента на хивинский трон, которые уверяли его, что если им удастся свергнуть хана Ширгази, то они выдадут его русским: «Ежели живого в руки получим, пошлем к белому царю, дабы над ним то же учинил, что и оной над князем Бековичем, а не так, голову его пошлем» [Беневени, 1986, с. 69].

Не осталось в стороне и Бухарское ханство — главный соперник Хивы в борьбе за гегемонию над Средней Азией. Во время пребывания там Ф. Беневени бухарские сановники неоднократно внушали ему, что хивинский хан и его казнит также как и Бековича, поэтому ехать в Хиву и тем более подписывать с ней мир не следует [Там же, с. 85, 94–97, 100]. А Петру I в 1724 г. через того же Беневени была передана грамота бухарского хана Абулфайза, который заявлял, что поддерживает аральского правителя Шах-Тимура и вообще намерен воевать с ханом Ширгази едва ли не в отмщение за убийство А. Бековича [Сборник, 1879, с. 559]!

Наконец, еще одним игроком на среднеазиатской арене, связанным с судьбой экспедиции А. Бековича-Черкасского и получившим определенные выгоды от нее, стало Калмыцкое ханство. Знаменитый хан Аюка, по утверждению и современников, и историков, незадолго до роковой экспедиции просил А. Бековича помочь ему в отражении набегов кубанских татар, на что тот отвечал, что не может это сделать без распоряжения царя. Хан якобы затаил злобу и предупредил хивинского хана об экспедиции, что позволило тому подготовиться к отпору. Тем самым Аюка стал одним из виновников гибели Бековича и его отряда [Бичурин, 1834, с. 184–185]. А бухарский посол при

царском дворе даже сообщил, будто он сам видел послание Аюки хивинскому хану, о чем уведомил и самого А. Бековича [Сборник, 1879, с. 465–466]. Участие Аюки в событиях 1717 г. косвенно подтверждается тем фактом, что первые контакты с российскими властями после гибели отряда Бековича хивинский хан осуществлял именно через калмыков — посланцев Аюки при его дворе [Беневени, 1986, с. 67]. Впрочем, как показали дальнейшие отношения Петра I с калмыцким ханом, его вина (даже если она и имела) никак не повлияла на русско-калмыцкие взаимоотношения.

Итак, можно отметить, что воспоминания об экспедиции А. Бековича-Черкасского в течение длительного времени не просто сохранялись в памяти потомков. Приобретенный опыт активно использовался для решения различных задач, в том числе и международно-правовых, тремя способами. Первый, который можно условно охарактеризовать как «научный», — это рассмотрение экспедиции как политиками, так и учеными-исследователями в общем контексте истории продвижения России в Среднюю Азию. В таком виде память об экспедиции Бековича могла использоваться для выработки общей концепции среднеазиатской политики России или идеологического обоснования конкретных шагов. Второй, который мы характеризуем как «практический», — это осмысление опыта Бековича, использование результатов его действий политиками и дипломатами, военными, экономистами и торговцами. Наконец третий способ, который можно обозначить как «дипломатический», — это упоминания о судьбе экспедиции А. Бековича как русскими дипломатами в отношениях с Хивой, так и самими хивинцами и даже представителями других среднеазиатских государств, для которых судьба экспедиции также порой являлась предлогом для принятия тех или иных международно-правовых решений.

§ 2. Место Средней Азии в проектах по торговле России с Индией (XVIII — первая половина XIX в.)

Торговые отношения с Индией уже в XVI в. рассматривались русскими властями как одно из важнейших направлений в азиатской политике Московского царства. Однако до начала XVIII в. интерес к Индии реализовывался на уровне разовых посольских контактов, обменов посланиями между московскими и индийскими государями.

Неудивительно, что русско-индийские торговые контакты, официально начавшиеся в первой четверти XVII в., нашли отражение лишь в единичных (иногда порядка двух десятков) торговых операциях [Овчинников, 1958, с. 218–219]. Более того, в течение долгого времени (вплоть до конца XVIII в.) российские власти в качестве основного пути в Индию рассматривали Кавказ [Каррер д'Анкосс, 2010, с. 62–64].

Впрочем, уже Петр I стал предполагать возможность развития торговых отношений с Индией через центрально-азиатский регион, где, в соответствии с его планами, должна была закрепиться Россия (см., например: [Байкова, 1964; Гольдберг, 1949; РИО, 1958; Levi, 1999]). И если в самом начале XVIII в. он рассматривал вопросы «мирного» вхождения ханств Средней Азии в российское подданство, то вскоре перешел к применению силовых методов, направив в Хиву отряд А. Бековича-Черкасского. По-видимому, такая политика объяснялась доходившими до российских властей сведениями о нестабильной политической ситуации в самих ханствах, в результате которых связи Бухары и Хивы с Индией в начале XVIII в. были сведены к минимуму — формальному обмену посольствами [Низамутдинов, 1969, с. 105–108]. Вероятно, будущий первый российский император намеревался, установив контроль над среднеазиатскими ханствами, восстановить в них стабильность и уже затем налаживать торговые связи с Индией.

Неслучайно отправленный Петром I в Индию с дипломатической миссией поручик А. Кожин первоначально следовал вместе с экспедицией А. Бековича-Черкасского, которому царь своим именованным указом поручил установить российский сюзеренитет над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством ([ПСЗРИ, 1830, т. V, № 2993, с. 198–199]; см. также: [Безгин, 1891]). Эта экспедиция, представлявшая собой, по сути, политическую авантюру, окончилась, как известно, провалом и гибелью большего числа ее участников во главе с начальником, а для России — ослаблением позиций в Центральной Азии. Поэтому в дальнейшем российские власти пришли к выводу, что для реализации планов Петра I по развитию торговли с Индией необходимо сначала укрепить положение империи в регионе.

Так, уже Верховный тайный совет при Петре II в марте 1727 г. издал указ о восстановлении торговых отношений с Бухарой и Хивой, столь серьезно пострадавших из-за экспедиции князя Черкасского

[ПСЗРИ, 1830, т. V, № 5045, с. 862–863]. В еще большей степени такая возможность представилась уже в правление императрицы Анны Иоанновны, в 1731 г., когда ряд казахских родоплеменных подразделений во главе с ханом Абулхаиром принял российское подданство — правда, как уже неоднократно отмечалось исследователями, имперские власти и казахские правители понимали это подданство по-разному (см., например: [Ерофеева, 2013, с. 91–98; Почекаев, 2017а, с. 31–32]).

В 1734 г. для упорядочения отношений с новыми подданными была создана Оренбургская экспедиция, первым начальником которой стал выдающийся государственный деятель и ученый И.К. Кирилов. Его инициатива по созданию Оренбургской экспедиции была поддержана императрицей Анной Иоанновной, во многом и потому, что в своем «Изъяснении о киргис-кайсацкой и каракалпакской ордах» он весьма много внимания уделил перспективам развития торговли России через Казахстан со среднеазиатскими государствами (Бухарой, Ташкентом, Хивой) и Индией [ПСЗРИ, 1830, т. IX, № 6571, с. 309–317]. Казахстан им рассматривался как своего рода «перевалочный пункт» в этой торговле, а сами казахи, по его представлениям, должны были обеспечивать безопасность торговых караванов. Проект Кирилова был активно поддержан высшими сановниками империи — Э.И. Бироном, А.И. Остерманом, А.М. Черкасским, А.П. Бестужевым-Рюминым, которых в дальнейшем В.Н. Татищев (сменивший Кирилова во главе Оренбуржья) не без оснований обвинил в личной заинтересованности, которая превалировала над государственной пользой [Быков, 2003, с. 22]. Как бы то ни было, Кирилов с увлечением принялся за развитие своего проекта, в том числе взаимодействуя и с индийскими торговцами, посещавшими в то время российские владения [РИО, 1965, № 72, с. 135]. Результатом его деятельности стала разработка новых предложений по организации торговли с Индией [Там же, № 74, с. 137–140], которые также были благосклонно приняты императрицей Анной Иоанновной, издавшей особый указ для их реализации [Там же, № 75, с. 140–141].

Уязвимым местом в проектах И.К. Кирилова было то, что он, вдохновленный собственными планами, совершенно не уделял внимания развитию отношений с казахами, чей статус в составе империи так и не был четко определен. Целиком полагаясь на слово хана Абулхаира, начальник экспедиции был уверен в лояльности новых подданных России и доверчиво воспринимал заверения хана, что вскоре в

состав России войдут также каракалпаки, Хива, Старший жуз и Ташкент. Как следствие, Кирилов на считал нужным вмешиваться в дела казахских правителей, в результате чего казахи не только не способствовали развитию российской торговли со Средней Азией и Индией, но и сами грабили российские караваны, а в 1735–1739 гг. даже участвовали в антироссийском движении в Башкирии (см. подробнее: [Почекаев, 2017а, с. 35–46]).

И.К. Кирилов скоропостижно скончался в 1737 г., и после него управление Оренбургским краем осуществляли В.Н. Татишев, В.А. Урусов, Л.Я. Соймонов, причем каждый находился на должности около года. Неудивительно, что они не смогли изменить ситуацию и как-то упорядочить правоотношения России с казахами¹. Существенные изменения произошли лишь в период правления в Оренбуржье И.И. Неплюева, ставшего первым генерал-губернатором края (1742–1758). Именно он стал активно вмешиваться в казахские дела. Как полагают исследователи, не без его участия в 1748 г. был убит хан Абулхайр, проводивший достаточно противоречивую политику в отношении России (см., например: [Ерофеева, 2007, с. 396–397]), а его сын и наследник хан Нурали был возведен на трон уже в новом порядке: императрица не просто признала факт его воцарения, но и официально утвердила его в ханском достоинстве [МИПСК, 1960, № 19, с. 39]. Несмотря на то что Неплюев, подобно своим предшественникам, не сумел (или не ставил своей задачей) разработать последовательную имперскую правовую политику в Казахстане, именно при нем начинается активное вмешательство российских властей в дела казахских правителей — правда, пока еще на уровне оперативного реагирования на их отдельные «вызовы».

И хотя И.И. Неплюев гораздо больше внимания, чем И.К. Кирилов, уделял казахским делам, планы по налаживанию торговли с Индией не были им забыты — напротив, в этом направлении он выступил продолжателем дела своего предшественника и видел Орен-

---

¹ Ярким примером беспомощности оренбургских начальников в организации торговли со Средней Азией через Казахстан является «экстракт» Л.Я. Соймонова, в котором он соотнес повеления центральных властей оренбургской администрации с тем, что было сделано, констатируя, что из-за противодействия «кайсаков» (казахов) практически никакие меры по организации этой торговли так и не были реализованы [Смирнов, 2013].

бургский край главным центром торговли со Средней Азией и Индией [Неплюев, 1892, с. 134, 141]. Нет сомнения, что в данном случае практичный Неплюев выполнял предписания центральных властей, не желавших отказываться от блестящих проектов Кирилова (в частности, этому вопросу был посвящен специальный сенатский указ 1751 г. [РИО, 1965, № 139, с. 283–284]). Соответственно, не желая ухудшать отношения с Петербургом, генерал-губернатор отчитывался о своих действиях во исполнение этих проектов и даже направлял в столицу собственные предложения о привлечении русских купцов к торговле с Индией [Там же, № 149, с. 294–295]², однако сам в большей степени сосредоточивался на текущих проблемах в подведомственных ему Поволжье, Уральском регионе и Казахстане. Фактически торговля с Индией и после И.И. Неплюева продолжала оставаться на уровне привлекательных проектов — так, в 1763 г. (т.е. уже в правление Екатерины II) видный оренбургский администратор и первый историк края П.И. Рычков с огорчением отмечал, что даже создание специальной комиссии о коммерции не привело к изменению этой ситуации [Витевский, 1895, с. 834–835].

Ярким выразителем представлений о роли Центральной Азии в развитии русско-индийской торговли стал Д.В. Волков — бывший личный секретарь Петра III, фактически «сосланный» в Оренбургский край в качестве очередного губернатора. В своей записке, адресованной Екатерине II (1763), он выказывает весьма туманное представление о значении для России и ее экономики среднеазиатских ханств («Хивы и Бухарии»), при этом ссылаясь на проекты Петра I и И.К. Кирилова по развитию отношений с Индией. Казахи же («киргизы») в его интерпретации выступают не более чем досадной помехой для русских миссий и караванов на далекий южный субконтинент [Ламанский, 1859, с. 50, 52, 53–54].

На рубеже XVIII–XIX вв. очередной проект по развитию торговли с Индией был представлен в Правительствующий сенат еще одним оренбургским военным губернатором Н.Я. Бахметевым, который указывал на то, что российские купцы вынуждены торговать с индий-

---

² Впрочем, впоследствии в своих мемуарах И.И. Неплюев упоминал, что он в 1751 г. обсуждал свой проект при дворе в Петербурге, «не возымев, к огорчению моему, успеха о начатии предпринятого мною в пользу России торго с Индиею» [Неплюев, 1892, с. 142].

цами в бухарских владениях, что уменьшает их выгоду и не приносит доходов императорской казне [РИО, 1965, № 214, с. 406–409]. На основе его предложений генерал-прокурор Сената П.Х. Оболянинов предложил Коммерц-коллегии разработать устав для новой компании для торговли с Индией и новые тарифы для российских таможен, в том числе и оренбургской [Там же, № 216, с. 414–419]. Характерно, что в отношении Казахстана к этому времени до сих пор не было выработано единой политики: все губернаторы следовали либо жесткой политике И.И. Неплюева, либо более мягкому варианту «косвенного управления» О.А. Игельстрома, стремившегося контролировать казахов через их собственных правителей, которые интегрировались в имперскую административную систему [Васильев, 2014, с. 278–283]. Как бы то ни было, ни один из подходов не мог в полной мере обеспечить безопасность торговых путей через Казахстан и содействие казахов развитию торговли с Индией.

К концу XVIII в. в Индии происходят серьезные политические изменения: если ранее английские владения на полуострове управлялись частной Ост-Индской компанией, то с 1770–1780-х годов власть над ними постепенно переходит к британской королевской администрации, которая все больше и больше укрепляет контроль и над клонившейся к закату империей Великих Моголов, и над отдельными индийскими княжествами, свергая и назначая их правителей, вводя институт резидентов, создавая собственные судебные структуры и проч. (см.: [Рувинский, 2011, с. 115–116; Фурсов, 2006, с. 193]). В результате Индия стала восприниматься как британское владение, и российские власти уже не видели возможности установления прямых контактов с индийскими торговцами, не исключая, впрочем, «обходных путей». Так, например, в начале XIX в. представители Сибирского генерал-губернаторства изучали вариант организации торговли с индийцами через «нейтральный» Восточный Туркестан (китайский Синьцзян), в частности — через Кульджу [Путинцев, 2012, с. 114–115].

Однако в целом конец XVIII и три четверти XIX в. характеризуются тем, что явно выраженный прежде интерес российских властей к торговле с Индией существенно снижается [Халфин, 1974, с. 45–46] и заменяется совершенно другой идеей — «индийским походом». Первый такой проект замыслился еще при Павле I в сотрудничестве с французским первым консулом Н. Бонапартом, который после смерти императора попытался заинтересовать этой идеей и его пре-

емника — Александра I (см. подробнее: [Баторский, 1886]). Продолжателями этой идеи выступили в 1855 г. генерал-лейтенант Е. Егоров [Егоров, 1886], в начале 1860-х годов — генерал С.А. Хрулев (герой недавно закончившейся Крымской войны) и, наконец, уже в конце 1870-х годов — туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман после установления российского протектората над Хивинским ханством и попыток заключения союзного договора с Афганистаном ([РИО, 1997, № 2—15, с. 27—37; № 44, с. 128—136; Большая игра, 2014]; см. также: [Кубанов, 2007; Edwards, 1885]).

Нельзя не отметить, что авторы проектов «индийского похода» никогда не ставили его целью захват Индии: речь шла лишь о вытеснении оттуда англичан и ликвидации угрозы с их стороны азиатским владениям России. Соответственно, в случае успеха предполагалось установить и развивать дипломатические, союзные и торговые отношения (в том числе и используя среднеазиатские владения для транзитной торговли европейских стран) с освободившимися государствами Индостана [Материалы, 1869, с. 47]. Кроме того, даже в связи с идеей «индийского похода» мотивы развития торговли с Индией продолжали звучать и в XIX в., причем российские региональные власти старались обратить их себе на пользу и расширить полномочия, а также и территории, которые находились бы в их ведении. Так, в рамках проектов отмечалась необходимость «подчинения своему влиянию» Хивинского ханства, которое со времен Петра I рассматривалось как один из важнейших пунктов торгового маршрута в Индию (см., например: [Винский, 1878, с. 403]).

Под предлогом исследования торговых путей губернаторы Оренбуржья и наместники Кавказа в 1850—1860-е годы организовывали экспедиции на восточный берег Каспийского моря, населенный казахами, каракалпаками, туркменами, стараясь добиться признания ими российского подданства. Во вновь присоединяемых областях возводились укрепления, которые, по замыслу руководителей пограничных администраций, могли также служить и перевалочными пунктами и даже центрами торговли в регионе, в том числе и с индийскими купцами. При этом нельзя не отметить своеобразную, но порой и весьма жесткую конкуренцию властей Оренбургского края и Кавказа за управление новыми приобретениями империи (см., например: [РТО, 1963, № 333, с. 458—461; № 343, с. 469—470]). В целом же следует констатировать, что пограничные власти продолжали придерживаться-

ся политике И.И. Неплюева: прежде чем налаживать торговлю с Индией, они старались укрепить влияние России в Центрально-Азиатском регионе. Установление протектората над Бухарой в 1868 и Хивой в 1873 г. было логичным продолжением этой политики.

В результате в начале XX в. российский интерес к Индии из экономической плоскости переходит уже в чисто политическую и даже геополитическую. В работах военных исследователей того времени продвижению в находившиеся под британским контролем Северную Индию, Персию, Афганистан отводится решающая роль в укреплении позиции России в Средней Азии — Несмотря на то что в 1907 г. было подписано русско-английское соглашение юридически зафиксировавшее окончание «Большой игры». При этом владения Российской империи в Центральной Азии воспринимаются уже не более чем плацдарм для организации этого продвижения: тем самым авторы констатируют, что необходимые политические, экономические и правовые преобразования в этом регионе уже были проведены и, соответственно, можно использовать его именно для той цели, которую преследовала Россия, укрепляясь здесь ([Грулев, 1909; Снесарев, 1906]; см. также: [Басханов, 2015, с. 154–171; Чулчиев, 1994]).

Таким образом, можно выделить три основных этапа российской политики в Средней Азии в связи с «индийским фактором». Первый датируется XVIII в. и характеризуется тем, что торговля с Индией являлась приоритетным направлением российской политики в Азии, тогда как укрепление имперских позиций в регионе рассматривалось лишь как инструмент для ее развития. Второй этап длился с начала XIX в. до 1870-х годов, когда российские власти старались всячески укреплять свою базу в Средней Азии, параллельно рассматривая возможность «индийского похода» с целью вытеснения британцев из Индии и, соответственно, развития политических и экономических отношений с индийскими государствами после их освобождения. Наконец, третий этап — это 1880–1890-е годы, когда Российская империя, установив протекторат над ханствами Средней Азии, утратила интерес к торговле с Индией и, напротив, старалась закрыть среднеазиатский рынок для англо-индийской торговли³. Та-

---

³ Впрочем, это отнюдь не означает, что экономические связи с Индией были вообще прекращены: и в начале XX в. существовал русско-индийский экспорт-импорт, однако весьма незначительный: оборот с Россией уступал не толь-

ким образом, интерес российских властей к торговле с Индией сыграл значительную роль в развитии российской правовой политики в Центральной Азии — начиная с казахских жузов в первой половине XVIII в. и до российских протекторатов в Средней Азии уже в конце XIX в.

§ 3. Бухарцы перед российским законом и судом

Как одно из средств по укреплению своего влияния в Средней Азии российские власти рассматривали взаимодействие с выходцами из этого региона, приезжавшими или постоянно пребывавшими в Российской империи, надеясь сделать их посредниками в отношениях со среднеазиатскими ханствами, а со временем — и агентами своего влияния.

Выходцы из Средней Азии (традиционно именовавшиеся в российской правовой традиции «бухарцами») обосновались в Сибири и Приуралье еще в эпоху Сибирского ханства в XVI в. Но после вхождения этого государства в состав России они не были вытеснены из этих регионов. Поскольку они выступали посредниками в отношениях России с государствами Средней Азии, Восточным Туркестаном (Кашгарией) и даже Китаем, власти Московского царства поначалу всячески им покровительствовали. Любопытно, что особое положение их сохранялось даже в имперский период, хотя к этому времени монополия бухарцев на торговлю России со странами Центральной и Восточной Азии постепенно стала ослабевать.

Целесообразно отметить, что понятие «бухарцы» в XVII–XVIII вв. было не столько этнонимом, сколько политонимом: так назывались выходцы не только из Бухарского ханства (эмирата)⁴, но и из «Малой Бухарии», т.е. Восточного Туркестана. В связи с этим периодически возникали проблемы международно-правового характера в отношениях с некоторыми государствами Центральной Азии, которые строго блюли свой сюзеренитет и в отношении подданных, проживавших на территории России. Так, в 1736, а затем и в 1739 г. Галдан-Цэрен, хун-

---

ко Великобритании (по вполне понятным причинам), но также Германии, США, Китаю, Японии, Франции, Италии, Египту, Турции и даже Южной Америке и Австралии [Записка, 1914, с. 58].

⁴ В официальной российской документации Бухарский эмират нередко именовался ханством [Арапов, 1981, с. 7].

тайджи Джунгарского ханства, обращался к российской администрации в Сибири с требованием выдать ему «бухарцев», проживавших на территории России, поскольку они были его подданными. Имперские власти провели расследование и выяснили, что несколько семейств бухарцев (общим числом более 150 человек) действительно являлись выходцами из Восточного Туркестана, в это время находившегося под контролем Джунгарии. Эти лица были переданы представителям ойратского монарха [Зияев, 1968, с. 20–21]. Кстати, энергичная завоевательная деятельность ойратов и калмыков стала еще одной причиной появления в России постоянно проживающих бухарцев: на территории Московского государства (а затем и Российской империи) селились выходцы из Бухары, выкупавшие своих земляков из калмыцкого плена и отправлявшие их на родину [Там же, с. 19].

В результате бухарцы на протяжении долгого времени являлись, по сути, особым привилегированным сословием. В Сибири появились даже семейства, которые формировали легенды в пользу своей «элитарности», легитимируя собственное особое правовое положение (см., например: [Бустанов, Корусенко, 2014]).

Так, в конце XVII–XVIII вв. за бухарцами сохранялись льготы, дарованные им еще в предыдущем столетии: они были освобождены от большинства налогов, которое уплачивало русское население, не несли таких повинностей, как воинская, ямская, поставка дров для войск и т.п. Также они имели право свободного въезда во все города России, в том числе и в такие отдаленные от мест их проживания как Архангельск, Соликамск, Колмогоры ([ПСЗРИ, 1830, т. II, № 1209, с. 816–817; т. VII, № 4486, с. 272–273]; см. также: [Зияев, 1968, с. 28, 31; Burton, 1998, р. 50]). Новым поселенцам из числа бухарцев предоставлялись льготы и средства на благоустройство, что, конечно, способствовало увеличению числа выходцев из Средней Азии, желающих обосноваться в России [Зияев, 1968, с. 28]. Стремясь увеличить число подданных из числа бухарцев, российские власти даровали им и дополнительные привилегии по сравнению с их земляками, лишь приезжающими торговать. Так, именным указом Петра I 1697 г. астраханским властям предписывалось у купцов из Средней Азии принимать товары на таможе, а дальнейшую их реализацию в России поручать российским купцам. Однако если с такими товарами прибывали русско-подданные бухарцы, им позволялось самим торговать в российских регионах [ПСЗРИ, 1830, т. III, № 1585, п. 21, с. 316].

В конце XVIII в. бухарцы даже получили право на формирование собственных органов самоуправления и суда по своим законам и обычаям в местах компактного проживания. В 1787 г. Екатерина II издала именной указ, в котором специально подчеркивалось, что преобразование Сибирской губернии в наместничество не умаляет прав и привилегий местных бухарцев. Им по-прежнему позволялось взаимодействовать по торговым вопросам с городскими магистратами и разрешать имущественные споры в «словесных судах» на родном языке. А самое главное, что впервые предусматривалась возможность в случае увеличения числа выходцев из Средней Азии в Сибири создания для них собственной «ратуши», т.е. органа местного самоуправления [Там же, т. XXII, № 16593, с. 952]. В результате в регионе появились целые бухарские волости, по сути являвшиеся своеобразными «анклавами» Бухарского ханства в России [Зияев, 1968, с. 38–43].

С самоуправлением бухарцев напрямую был связан и вопрос об их подсудности. И в этом отношении российские власти в течение длительного времени шли навстречу своим подданным, в содействии которых так нуждались для укрепления отношений со Средней Азией. Еще в соответствии с грамотой Ивана V, Петра I и царевны Софьи 1686 г. бухарцы не были подсудны русским судам — «опричь заемных кабал и татиных и разбойных дел с поличным» [ПСЗРИ, 1830, т. II, № 1209, с. 816]. Существование собственных словесных судов для бухарцев (равно как для армян и татар) было подтверждено докладом Сената, утвержденным Павлом I в 1800 г. Споры между собой они должны были решать в собственных судах и управах, но если одной из сторон являлся русский, дело рассматривалось в российской судебной инстанции; правда, если одной из сторон являлся бухарец, а другой — иной «инородец», дело рассматривал именно бухарский словесный суд [Там же, т. XXVI, № 19656, с. 393–395]. Право бухарцев и ташкентцев на собственные органы самоуправления (ратуши и волости) было подтверждено и знаменитым Уставом об управлении сибирских инородцев 1822 г. [Там же, т. XXVIII, № 29126, § 81–90, с. 399].

Покровительство российских властей выходцам из Средней Азии повышало заинтересованность последних в переезде в Россию. Еще в конце XVIII в. их число настолько увеличилось, что в 1789 г. генерал-прокурор А.А. Вяземский направил запрос Екатерине II относительно возможности принятия их в российское подданство. Им-

ператрица именным указом ответила, что не видит никаких препятствий для выдачи разрешения бухарцам и ташкентцам на переезд в Россию. Более того, она также указала, что они имеют такое же право на свободный выезд на родину при соблюдении, впрочем, условий, на которых допускался переезд русских горожан из города в город (этот порядок предусматривался ст. 129 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. (более известной как «Жалованная грамота городам») и предписывал всем переезжающим выплачивать все имеющиеся у них долги и установленную городом подать за три года) ([ПСЗРИ, 1830, т. XXIII, № 16814, с. 93; т. XXII, № 16187, с. 380]).

Несмотря на то что «приезжие» бухарцы имели меньше прав и привилегий, чем их земляки, принявшие российское подданство, им также предоставлялись преимущества с целью стимулирования активизации их коммерческой деятельности в России. В частности, именным указом Александра I 1803 г. предписывалось предоставлять бесплатно бухарским караванам пастбища на пути их следования из Бухары в российские пределы [Там же, т. XXVII, № 20623, с. 465]. Любопытно, что пастбища им должны были представляться «в лугах на азиатской стороне», т.е., по всей видимости, речь идет о казахских степях, которые российские власти в то время еще не объявили государственной собственностью (это случилось лишь в 1840-е годы). В связи с этим становятся объяснимыми участвовавшие казахские нападения на караваны среднеазиатских купцов, поскольку казахи считали себя незаслуженно обиженными подобным указом.

В 1824 г. Комитет азиатских дел по поручению министра финансов разработал и представил Сенату журнал (впоследствии утвержденный тем же Александром I) о предоставлении вооруженной охраны караванам, следовавшим из Оренбурга в Бухару, — правда, за эту охрану торговцы должны были платить по 25 коп. с каждого рубля стоимости своих товаров [Там же, т. XXIX, № 30150, с. 650]. Из текста журнала не вполне ясно, касалось ли это только русских караванов или распространялось и на бухарские (как полагает, в частности, Х.З. Зияев [Зияев, 1983, с. 101]).

Определенные привилегии имелись у приезжих бухарцев также и в семейной сфере, установленные мнением Госсовета 1827 г. Если такой бухарец женился в России и заводил детей, то в случае возвращения на родину ему (в отличие от подданных других среднеазиатских

государств) разрешалось брать с собой и семейство — при условии согласия на то отца и матери жены. Однако если бухарец (или другой выходец из Средней Азии) уезжал на родину без семьи, он должен был дать «сказку» (т.е. своеобразную подписку) российским властям о том, что намерен вернуться в течение двух лет. Если он не возвращался, то брак его с русско-поданной считался расторгнутым на том основании, что он в течение длительного времени не заботился о своей семье и не поддерживал ее материально. Отметим, что российские власти, не желая вызывать недовольства мусульман подобными предписаниями, решили обязать имамов, заключающих такие брачные договоры, включать это условие в них. Правда, жениться они могли только на русских мусульманках: православная, католическая и лютеранская церкви подобные браки запрещали; только евангелическая церковь допускала такие браки — при условии, что супруг-мусульманин не будет заставлять жену менять вероисповедание [ПСЗРИ, 1830а, № 828, п. 1–4, с. 37–38].

Естественно, столь привилегированное положение бухарцев постоянно вызывало недовольство самых разных российских кругов — начиная с властных структур и заканчивая торговцами. Представители региональных властей (в первую очередь сибирской администрации), а в некоторых случаях даже и Правительствующий сенат негодовали по поводу того, что бухарцы живут и торгуют в России, богатеют, но при этом не платят налогов, тем самым не внося своей лепты в улучшение государственного благосостояния [Зияев, 1968, с. 29]. Представители же российских торговых кругов не менее обоснованно указывали на то, что, если раньше, когда Россия не имела развитых связей со Средней Азией, бухарские купцы действительно были важны и имели право на привилегии, теперь же, по прошествии целого столетия, ситуация коренным образом изменилась. Сохранение привилегий бухарцев в новых условиях уже не столько способствовало расширению торговли России с Бухарой и другими ханствами Средней Азии, сколько ограничивала ее, поскольку русские купцы изначально находились в невыгодном положении по сравнению с выходцами из Бухары [Там же, с. 35].

Однако бухарцы, пользовавшиеся покровительством российских монархов еще с эпохи царя Михаила Федоровича и его ближайших преемников [Зияев, 1983, с. 30–31], апеллировали к их грамотам и отчаянно боролись за сохранение прежних льгот и привилегий. Так,

Петр I, нуждаясь в средствах на ведение войн и реализацию своих реформ, в 1698–1701 гг. издал целый ряд указов об обложении налогами («оброком») бухарцев, занимавшихся сельским хозяйством. Именным указом 1698 г. он предписывал сибирским (тобольским) властям уточнить время прибытия бухарцев в Россию, основания, на которых они владели земельными угодьями, и обложить ежегодным оброком в 2–5 руб. и более в год — в зависимости от размеров землевладения, приравнивая бухарцев к российским земледельцам, а с бухарских торговцев взимать те же пошлины, что и с русских «посадских людей» [ПСЗРИ, 1830, т. III, № 1626, с. 446]. Любопытно, что в указе специально подчеркивалось, что купцы-бухарцы, таким образом, никак не ущемляются в правах из-за «веры их бусурманской», тогда как в «бусурманских странах» православные русские торговцы притесняются. По-видимому, это был своеобразный сигнал властям Средней Азии для изменения их политики в отношении купцов-иноверцев; как известно еще и во второй половине XIX в. этот вопрос был актуален для среднеазиатской политики Российской империи, власти которой многократно предлагали среднеазиатским монархам установить для отечественных торговцев ту же небольшую торговую пошлину, какую сами взимали с купцов из Средней Азии в России.

В 1700 г. Петр I издал указ, уточняющий предыдущий: отныне с принадлежащей бухарцам земли предписывалось взимать вместо натурального оброка денежный: с «ржаной» десятины — 6 алтын 4 деньги, с «яровых» — 3 алтына 2 деньги, с сена — по 2 деньги с копны. Однако бухарцы проявились настойчивость, неоднократно подавали челобитные, ссылаясь на ранее полученные льготы и иммунитеты и добились-таки сокращения ставки налога: годом позже новым указом было установлено, что со ржи будет взиматься 5 алтын с десятины, с яровых — 10 денег [Там же, т. IV, № 1857, с. 169–170]. Примечательно, что царь в том же указе предписал сибирским властям растолковать бухарцам, что «даром землями никто не владеет», т.е. сознавал необходимость обоснования отмены их налогового иммунитета. Как видим, российские власти все же демонстрировали особое отношение к бухарцам, поскольку те и на рубеже XVII–XVIII вв. продолжали выступать посредниками в отношениях России с государствами Средней Азии.

Итак, права, обязанности и льготы бухарцев в отношении налогов и повинностей, казалось бы, были четко определены. Однако

в 1764 г., когда в Сибирь прибыла сенатская комиссия для проведения расследования дела о взятках региональной администрации, попутно выяснилось, что законно установленные налоги и сборы с бухарцев фактически не взимаются: в докладе Сената от 12 февраля 1764 г. отмечалось, что 800 бухарцев, обложенных оброком, платят всего 78 руб. 46¾ коп. в год, а торговые сборы не платят вообще, ссылаясь на прежние указы о льготах. Сибирским властям предписывалось исправить ситуацию, но, как и в указах Петра I 1698 и 1701 гг., рекомендовалось действовать «с употреблением увещеваний», т.е., опять же, достаточно мягко, чтобы не отпугнуть других бухарцев, желающих принять российское подданство [Там же, т. XVI, № 12041, с. 532–533].

За время своего правления Екатерина II неоднократно особыми именными указами подтверждала в целом все права и привилегии бухарцев и ташкентцев, дарованные им при Петре I. Более того, она жестко пресекала любые попытки региональных властей как-то ограничить или отменить привилегии бухарцев. Главным ее доводом в пользу сохранения status quo являлся тот же, которым изначально руководствовались цари XVI–XVII вв.: бухарские торговцы являются посредниками в торговле России со Средней Азией, и без них она просто заглохнет ([Там же, т. XVIII, № 13336–13337, с. 970–971; т. XXII, № 16593, с. 951–952]; см. также: [Зияев, 1968, с. 29, 31–33]).

Положение бухарцев начало существенно меняться лишь в первой четверти XIX в., когда центральные власти стали постепенно пересматривать их особый статус по итогам постоянных обращений к ним представителей местной сибирской администрации (см. подробнее: [Корусенко, 2014]). Уже в 1806 г. впервые для бухарцев были введены налоги [Зияев, 1968, с. 31]. В целом по своим правам и обязанностям, а также в отношении вопросов местного самоуправления и суда они оказались приравнены к другим «оседлым инородцам» в 1822 г. [ПСЗРИ, 1830, т. XXXVIII, № 29126, § 2, с. 394]. В 1825 г. постоянно проживавшим в России бухарцам, в соответствии с положением Азиатского комитета МИДа, было разрешено торговать только в том городе, в котором они проживали, кроме того, их обязали вступать в купеческие гильдии ([Там же, 1835, № 6802, с. 123]; см. также: [Зияев, 1968, с. 33]). В 1835 г. вновь был поднят вопрос об уравнивании бухарских торговцев в правах с их русскими коллегами, но Госсовет принял компромиссное решение: за бухарцами было сохранено право

беспошлинной торговли — но только среднеазиатскими товарами в России и русскими за рубежом, тогда как остальные категории товаров облагались теми же налогами, что и у русских купцов [ПСЗРИ, 1836, № 8034, с. 299]. В середине XIX в. русско-подданные бухарского происхождения были также обложены и подымной податью — 10 руб. ассигнациями с дыма, — как и русские ([Там же, 1852, № 25398, ст. 56, п. 1, с. 501; 1855, № 28262, с. 511]; см. также: [Зияев, 1968, с. 37]).

Постепенное уравнивание бухарцев в правах с русскими нашло отражение не только в официальных нормативных правовых актах, но и в правоприменительной деятельности, в частности — в судебной практике. Если в конце XVIII в. бухарцы имели право решать свои споры и выносить судебные решения по собственным законам и правовым обычаям (преимущественно на основе норм и традиций шариата), то ситуация коренным образом изменилась уже в первой трети XIX в.

В архивах (в частности, в Объединенном государственном архиве Челябинской области) содержатся материалы о судебных разбирательствах, представителями одной из сторон в которых являлись бухарцы — как проживавшие постоянно в России, так и приезжавшие по торговым делам, но связанные с русско-подданными мусульманами деловыми или даже родственными узами.

Некоторые из рассмотренных дел имеют частноправовой характер, поскольку регулируют имущественные и семейные отношения. Так, в одном из них торговец из Бухары в течение почти четверти века (с 1801 по 1825 г.) пытался установить опеку над своей сестрой и ее дочерьми, оставшимися владелицами имущества своего супруга и отца — бухарца, проживавшего на территории России [ОГАЧО, ф. И-14, оп. 1, д. 45]. В другом случае бухарский торговец старался взыскать убытки за испорченный товар с того, кто принял его на хранение, на что ему понадобилось два года (1828–1830) [Там же, д. 177]. Наконец, в третьем случае брат бухарца, женившегося в России на русско-подданной, на протяжении восьми лет (1831–1838) добивался выезда вдовы и детей брата в Бухарский эмират [Там же, д. 208]. Другие дела относятся к уголовно-правовой сфере. Первое было связано с убийством бухарца российскими подданными, разбирательство по нему велось в течение девяти лет (1825–1834) [ф. И-15, оп. 1, д. 2234]. Другое дело оказалось гораздо короче (разбирательство осуществлялось с июля по октябрь 1827 г.) и завершилось вынесением решения

об административном наказании русско-подданного бухарца, пытавшегося незаконно бежать за границу — в ту же Бухару [Там же, д. 2383].

Все эти дела объединяет одно: их участниками являлись бухарцы — как русско-подданные, так и приехавшие из-за границы. Соответственно, опираясь на свои прежние многовековые привилегии, они старались апеллировать к ним в отстаивании своей позиции в суде, используя в том числе и отсылки к нормам шариата или мусульманским обычаям. Однако российские власти, принимая во внимание доводы участников процесса и учитывая все обстоятельства дела, в итоге выносили решение исключительно на основе норм российского имперского законодательства. Таким образом, охарактеризованные судебные дела являются яркой иллюстрацией применения на практике вышеупомянутых нормативных актов и, соответственно, объективно отражают существенное изменение правовой политики российских властей по отношению к выходцам из Средней Азии на территории России.

Эти акты представляются весьма важными документами в рамках исследуемой тематики по двум причинам. Во-первых, они позволяют выяснить, насколько скрупулезно на практике применялись вышеупомянутые нормативные правовые акты (т.е. соотношение между «писанным» и «живым» правом). Во-вторых, они помогают проследить изменение отношения российских властей различного уровня к восприятию иных, помимо имперских, правовых ценностей, принципов и норм — в том числе и при выстраивании правоотношений с представителями иных народов, государств, конфессий.

Завершая рассмотрение вопроса о статусе бухарцев в России, считаем целесообразным сказать несколько слов о религиозной политике в отношении их. Принадлежность бухарцев к исламу в течение долгого времени никоим образом не противоречила их привилегированному положению в Российской империи. Единственным нюансом являлось указание строить мечети для бухарцев на достаточном расстоянии от русских православных храмов. Кроме того, приговор Сената 1703 г. устанавливал «опалу и казнь» (т.е. наказание) для тех бухарцев, кто каким-либо образом мешал проведению православных богослужений — «учнут кричать и смехотворение и безчинство и русским людям какую препону и обиду чинить» [ПСЗРИ, 1830, т. IV, № 1946, с. 227].

В 1742 г. очередным сенатским указом была установлена защита для принявших христианство от преследований со стороны их прежних единоверцев [ПСЗРИ, 1830, т. XII, № 8919, с. 89–96]. Непосредственно в отношении бухарцев при этом никаких дополнительных нормативных положений не устанавливалось, однако тенденцию обращения их в православие этот правовой акт стимулировал. Тем не менее власти (особенно региональные, лучше понимавшие специфику управляемых ими регионов) подходили к этому вопросу весьма осторожно. Так, в 1767 г. сибирский губернатор Чичерин направил в Петербург реляцию, в которой описывал непрофессиональную деятельность православных миссионеров, которые под предлогом обращения в православие местных иноверцев нередко притесняли их. В ответ на это Екатерина II издала именной указ, в котором запретила подобную практику и подтвердила установленный со времен Петра I принцип о непритеснении бухарцев из-за их принадлежности к исламской религии [Там же, т. XVIII, № 13336, с. 970–971].

Однако время от времени возникали вопросы, связанные и непосредственно с переходом представителей бухарской «диаспоры» в христианство. Так, в 1863 г. один сибирский бухарец, перешедший в христианство (получив имя Василий Шишкин), обратился к властям Западной Сибири с прошением о предоставлении ему средств для переезда на другое место жительства. На основании этого прошения было разработано мнение Сибирского комитета, которым на переходивших в христианство бухарцев распространялись правила, ранее применявшиеся в отношении калмыков: если переходивший в христианство имел семейство, ему выделялось на переезд 15 руб., одиноким — 8 руб. (именно такую сумму и запросил вышеупомянутый Шишкин) ([Там же, 1866, № 39654, с. 493]; см. также: [ПСЗРИ, 1863, № 37709, п. 6, с. 591–592]).

Стоит заметить также, что применение российского законодательства к бухарцам непосредственно в пределах Российской империи имело не только очевидную цель — ограничить прежние льготы и привилегии выходцев из Средней Азии на территории империи. По нашему мнению, российские власти, уже в первой четверти XIX в. начавшие проявлять интерес к расширению и политического влияния в Средней Азии, через бухарцев, находившихся на территории России, старались постепенно внедрять определенные имперские правовые категории, принципы и нормы и в отношения со среднеазиатскими

ханствами. Уже в ближайшие десятилетия это проявилось в российских проектах международных договоров с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Соответственно, упомянутые судебные дела стали своего рода «пробным шаром» в этих отношениях на уровне отдельных представителей России и среднеазиатских ханств.

§ 4. Экономические санкции как инструмент международно-правовых отношений России и Хивы

Тема экономических санкций, столь актуальная в последнее время, включает ряд аспектов, среди которых и такие, как их правовое оформление, а главное — степень эффективности. Сами санкции весьма давнее изобретение, известное еще в древности и Средневековье, и уже тогда их использование создавало проблемы для взаимоотношения властей и представителей экономического сообщества, а эффективность оценивалась весьма противоречиво. Тем не менее и в дальнейшем этот инструмент разрешения международных споров использовался разными государствами в разных обстоятельствах.

Подобные меры были вполне в духе взаимоотношений тюрко-монгольских правителей еще в эпоху Средневековья: ради решения политических проблем потомки Чингис-хана нередко задерживали или даже грабили иностранных купцов. Русские власти вполне могли знать о подобных эпизодах, поскольку многие из них были связаны с Золотой Ордой и русско-ордынскими отношениями. Можно вспомнить, например, как страдали золотоордынские купцы в Иране и, соответственно, персидские купцы в Улусе Джучи во время войны Берке, хана Золотой Орды, и его двоюродного брата Хулагу, ильхана Ирана, в сер. XIII в. [СМИЗО, 1884, с. 239]; как золотоордынский же хан Джанибек в результате конфликта 1340-х годов с итальянскими торговыми колониями Причерноморья арестовал венецианских купцов в Орде, а затем на несколько лет запретил итальянцам приезжать в его владения для торговли (см., например: [Почекаев 2015б, с. 230–244]); как золотоордынские ханы Арабшах и Токтамыш в 1370–1380-е годы арестовывали русских купцов перед своими походами на русские земли [Татищев, 1784, с. 244, 294] и т.д.

В России опыт использования экономических рычагов воздействия как на собственных кочевых подданных, так и на иностранные

государства в первой половине XVIII в. был неоднократно опробован (см., например: [Торопицын, 2011]). Поэтому неудивительно, что экономические санкции применялись и в качестве инструмента правовой политики Российской империи в отношении Хивинского ханства. Мы намерены проанализировать три известных примера таких санкций, имевших место в 1754, 1836 и 1858 гг. Считая целесообразным дать общую характеристику причин введения санкций, мы намерены в большей степени сосредоточиться на правовых аспектах их введения и действия, а также на проблеме оценки эффективности таких мер для разрешения проблем, которые, собственно, и являлись причинами введения санкций.

Первый из рассматриваемых нами примеров датирован 1754 г., когда санкции против Хивинского ханства были впервые использованы как инструмент международно-правовых отношений. К этому времени русско-хивинские отношения складывались весьма противоречиво. С одной стороны, в воспоминаниях хивинцев (как, впрочем, и десятилетия спустя) еще была жива память об экспедиции князя А. Бековича-Черкасского, отряд которого в 1717 г. вступил в пределы Хивинского ханства по приказанию Петра I и был полностью уничтожен хивинцами, посчитавшими его действия попыткой присоединения Хивы к России. Несмотря на предпринятые впоследствии взаимные попытки российских и хивинских властей восстановить отношения, их уровень оставался весьма неудовлетворительным для обеих сторон, которые неоднократно предъявляли претензии друг другу [Ниязматов, 2010, с. 47].

Так, российские власти обвиняли хивинцев в постоянном вмешательстве в дела казахов Младшего жуза, принявших российское подданство еще в 1731 г. В 1749 г. российские власти утвердили в качестве хана Младшего жуза Нурали, сына хана Абулхаира, первым принявшего российское подданство, но ряд казахских родов не признал его прав на трон и поддержал «альтернативного» хана — Батыра, женатого на дочери Абулхаира. А поскольку правивший в то время в Хиве хан Каип являлся сыном Батыра⁵, неудивительно, что он оказывал отцу

---

⁵ Казахские ханы и султаны из династии Туга-Тимуридов стали приглашаться на трон Хивинского ханства с конца 1720-х годов, как дальние родственники (а нередко и зятья или внуки по женской линии) местных ханов из династии Шибанидов, старшая ветвь которой в Хиве пресеклась в конце XVII в., что

всяческую поддержку в борьбе с русским ставленником на трон (см., например: [Васильев, 2014, с. 90, 102]). Естественно, Нурали весьма враждебно относился к сыну своего конкурента и всячески препятствовал его попыткам установления дипломатических и торговых отношений с Россией, порой весьма резко выражая свое недовольство тем, что русские без его ведома ведут переговоры с Хивой [ЭНКПЭ, 2014, № 395, с. 30]. Враждебные отношения казахов с хивинцами, нередко перераставшие в открытые военные нападения друг на друга, негативно отражались на торговле России со Средней Азией: как сообщал в Коллегию иностранных дел оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев в 1750 г., купцы отказывались ездить из Оренбурга в Хиву и обратно, не будучи уверенными в своей безопасности [КРО, 1961, № 196, с. 509].

В свою очередь, хивинский хан, ссылаясь на давние, еще со времен Петра I, дипломатические связи, писал российским властям в июне 1751 г., что стремится наладить торговые отношения с Россией и готов обеспечить русским торговцам наиболее благоприятные условия для ведения дел [ЭНКПЭ, 2014, № 641, с. 322–323]. Однако напряженные отношения Хивы с ханом Нурали не позволили пограничным властям отнестись с доверием к обещаниям хана Каипа, и в результате в сентябре того же года он писал уже непосредственно императрице Елизавете Петровне, жалуясь, что его послов и торговцев задерживают в Оренбурге и не дают возможности ехать по России дальше [ЭНКПЭ, 2014, № 642, с. 323–324].

Казалось, в 1752 г. отношения между Хивой и Младшим жузом стали постепенно нормализовываться: хан Нурали в своих посланиях А.И. Тевкелеву, помощнику Неплюева, сообщал, что помирился с Каипом, даже готов породниться с ним (женить своего сына на его дочери) и, соответственно, гарантировал безопасность торговых путей [КРО, 1961, № 203, с. 530–531; ЭНКПЭ, 2014, № 418, с. 53]. Власти Оренбургского края решили воспользоваться этим моментом и закрепить русско-хивинские торговые отношения. В 1753 г. И.И. Неплюев отправил в Хиву миссию, в которую вошли переводчик Я. Гуляев и канцелярист П. Чучалов, однако, поскольку официального дипломатического статуса они не имели (в силу политических обстоятельств

и привело к борьбе за трон и частым сменам ханов на протяжении почти всего XVIII в.

будучи направленными от оренбургской администрации, а не центральными имперскими властями), миссию решено было представить в Хиве как торговый караван, который возглавил самарский купец Д. Рукавкин (впоследствии — бургомистр Самары). Членам миссии было поручено договориться с ханом о развитии русско-хивинской торговли, взаимных гарантиях безопасности дорог и нормализации отношений с казахским Младшим жузом⁶.

Однако, как оказалось, посланцы И.И. Неплюева прибыли в Хиву в самый неподходящий момент. Дело в том, что с самого начала своего правления Каип являлся ханом лишь номинально, а фактическая власть в ханстве принадлежала представителям узбекской элиты, которую возглавлял Кураз-бек из племени мангыт. Как раз во время пребывания в Хиве русской миссии, в декабре 1753 г., Каип-хан обвинил Кураз-бека в подготовке покушения на его жизнь и приказал казнить, а затем при поддержке казахов, присланных к нему его отцом Батыром, перебил до 80 родственников и сторонников казенного временщика [Firdaws al-iqbal, 1999, p. 68–69; Иванов, 1958, с. 100]. В результате против хана выступили многочисленные противники — узбеки-мангыты, привлечшие на свою сторону приаральские кочевые племена (издавна находившиеся в оппозиции к Хиве), и туркмены, которых, впрочем, хану удалось переманить на свою сторону богатых дарами [Атдаев, 2010, с. 78].

Проблема для русских дипломатов, оказавшихся в Хивинском ханстве в разгар гражданской войны, состояла в том, что И.И. Неплюев, направляя их в Хиву, снабдил посланиями как к самому хану Каипу, так и к всесильному на момент отправки миссии временщику Кураз-беку. В результате хан обвинил русских посланцев в том, что они состояли в заговоре с Кураз-беком против него и фактически посадил их под стражу. Кроме того, отчаянно нуждаясь в деньгах для подкупа туркменских вождей, он конфисковал русских товаров на сумму около 6 тыс. руб., не выплатив никакой компенсации [Гуляев, Чучалов, 1910, с. 88].

Узнав об этом, И.И. Неплюев и принял меры, впервые введя экономические санкции против Хивинского ханства. Вот как описывает

---

⁶ Неслучайно в состав миссии был включен Я. Гуляев, который еще с 1750 г. неоднократно направлялся с поручениями к хану Нурали и, следовательно, хорошо знал о его отношениях с Хивинским ханством [КРО, 1961, № 197, с. 514–519].

их непосредственный участник событий — номинальный глава миссии купец Данила Рукавкин: «Впущены были в Храм Сарай, то есть в Гостиный двор, где по приказанию ханскому под присмотром были десять месяцев и не допуская нас до свободного торгу, все товары наши забраны на ханский двор безденежно. Хотя же за оные напоследок платеж от ханского двора и получен, потому, как господин губернатор об оном сведал, то приказал в Оренбурге хивинцев задержать, но не настоящую цену, а такую, какая хану рассудилась, и потом караван наш хивинским ханом отпущен в Оренбург» [Рукавкин, 1776, с. 204].

Итак, как можно понять из сообщения Д. Рукавкина, оренбургский генерал-губернатор принял меры, называемые в современном международном праве реторсиями, т.е. ответными ограничениями. На опыт Неплюева впоследствии сослался В.А. Перовский, инициатор вторичного введения санкций против Хивы; упоминают о нем и исследователи ([Перовский, 2010, с. 80]; см. также: [Веселовский, 1877, с. 225; Жуковский, 1915, с. 85; Михалева, 1982, с. 30]). Однако каким же образом был создан столь важный прецедент в русско-хивинских отношениях?

При попытке проанализировать правовое оформление действий И.И. Неплюева, описанных Рукавкиным, мы с удивлением пришли к выводу, что, по-видимому, фактически никаких юридических действий генерал-губернатором предпринято не было! Так, нам неизвестны официальные письма, доклады, отчеты Неплюева в Петербург, содержащие сведения о предпринятых им действиях по задержанию хивинских купцов в Оренбурге. Не пишет об этом и сам Неплюев в своих записках, хотя и довольно подробно описывает свои действия на посту оренбургского генерал-губернатора. Ничего не упоминает о санкциях против Хивы даже В.Н. Витевский, автор многотомной биографии И.И. Неплюева, который хотя и довольно подробно описывает саму миссию Д. Рукавкина, Я. Гуляева и П. Чучалова, ограничивается лишь словами о том, что «такое положение русских купцов и задержание там наших послов, без сомнения, было крайне неприятно Неплюеву» [Витевский, 1895, с. 814].

Итак, где же, помимо частных записок купца Д. Рукавкина, содержится информация о санкциях, введенных Неплюевым? Лишь косвенные упоминания в документах, касающихся миссии Гуляева и Чучалова, позволяют судить о действиях или, скорее, намерени-

ях оренбургского генерал-губернатора. Так, в указе⁷, направленном этим дипломатам 3 мая 1754 г. он предписывает чиновникам передать хану, что «Российскому же государству из того, ежели вам какой вред и каравану растощение причинят, великого ущерба сделать не могут, но сами свой интерес потеряют» [Гуляев, Чучалов, 1910, с. 83]. Кроме того, Неплюев в том же указе отмечает, что «приезжие сюда хивинские купцы далее Оренбурга не ездят» [Там же, с. 84], что, вроде бы, дает основание сделать вывод об их задержании, но такая практика существовала и ранее, как показывает вышеупомянутое послание хивинского хана Каипа императрице Елизавете Петровне. В своем же официальном донесении Коллегии иностранных дел о результатах миссии Гуляева и Чучалова генерал-губернатор ни слова не упоминает о своих действиях в отношении хивинских купцов.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что И.И. Неплюев, по-видимому, решил просто пригрозить хивинскому хану негативными последствиями его действий для его собственных хивинских купцов, тогда как самих санкционных мер он на самом деле не предпринял. Это в полной мере объясняет отсутствие каких-либо документальных подтверждений введения им санкций против Хивы — раз фактически они не водились, то не было необходимости согласовывать их с Коллегией иностранных дел или императрицей.

Тем не менее, по-видимому, в глазах самих хивинцев угроза Неплюева выглядела вполне реальной, и хан, к этому времени сумевший восстановить против себя значительное число своих подданных, не мог себе позволить недовольства еще и со стороны хивинского купечества. Неудивительно, что он, если верить сведениям Д. Рукавкина, поспешил освободить купцов и чиновников и выплатить компенсацию за захваченные товары. В результате миссия завершилась довольно успешно, и ее участникам удалось достичь с ханом согласия по большинству проблем, для решения которых они были отправлены⁸.

Попытку применить аналогичные санкционные меры касательно Хивы предпринял оренбургский военный губернатор П.К. Эссен,

---

⁷ Этот акт официально называется «Указ оренбургской канцелярии», издан именем императрицы и подписан самим И.И. Неплюевым и его помощником А.И. Тевкелевым.

⁸ Впрочем, Каип-хану так и не удалось надолго сохранить власть: в 1757 г. он был вынужден бежать из Хивы и, соответственно, все договоренности российских дипломатов с ним были проигнорированы его преемниками.

считавший, что пришла пора отказаться от политики мирной дипломатии и перейти к решительным мерам в отношении среднеазиатских ханств. В 1818 г. он направил в Петербург предложения наложить арест на хивинские товары, которые, как он считал, принадлежали большей частью самому хану и влиятельным купцам, а самих торговцев задержать, чтобы заставить власти Хивы прекратить поощрение нападений на русские торговые караваны [Ниязатов, 2013, с. 502]. Как видим, в данном случае ранее испробованный способ предлагался не для решения конкретной проблемы (освобождения пленных и т.п.), а как инструмент воздействия на Хивинское ханство с целью добиться изменения ее политики в отношении России. Вероятно, именно поэтому министр финансов Д.А. Гурьев, которому были переданы предложения Эссена, счел, что такие действия скажутся на торговле не только с Хивой, но и с Бухарой, и отклонил их, заявив, что убытки от нападений хивинцев на караваны гораздо меньше, чем возможные потери в случае отказа Бухары от торговли с Россией [Там же, с. 503].

Введение санкций против Хивы в 1836 г. имело, по сути, те же самые причины, но производилось совершенно иначе. Инициатором этих действий стал оренбургский военный губернатор В.А. Перовский. Уже вскоре после вступления в должность, в 1833—1834 гг., он убедился, что многие роды Младшего жуза продолжают признавать подданство хивинских ханов, совершают нападения на русскую пограничную линию, захватывают пленников, которых затем продают в Хиву. Кроме того, Несмотря на то что в соответствии с реформой 1824 г. в Младшем жузе был упразднен институт ханской власти, ряд влиятельных султанов-Чингизидов продолжали претендовать на ханский титул, что в глазах представителей российских властей являлось мятежом, тогда как хивинские ханы из новой, узбекской династии Кунгратов признавали их претензии [Юдин, 1896, с. 416—417].

В.А. Перовский с самого начала своего управления Оренбургским краем попытался положить конец этой практике. Поначалу он намеревался действовать дипломатическими методами и вскоре после прибытия в Оренбург направил ряд посланий среднеазиатским монархам, предлагая строить отношения на основе дружбы и торгового партнерства, вернуть всех пленников, прекратить претендовать на власть над казахами Младшего жуза и грабить русские караваны (см., например: [Прокламация, 1873]). Стоит отметить, что первые его

посланцы отправлялись от губернатора лично — так в случае оскорбительного к ним отношения со стороны правителей Средней Азии менее страдал бы престиж Российской империи, чем если бы это было в отношении официальных имперских послов ([Перовский, 2010, с. 79–80]; см. также: [Избасарова, 2013, с. 340]). Однако Перовский, вероятно, не принял во внимание трепетное отношение восточных монархов к этикету и протоколу: присылку к ним посланцев какого-то регионального администратора они и сами могли истолковать как оскорбление. Поэтому неудивительно, что правивший тогда в Хиве хан Алла-Кули проигнорировал его послания и продолжил враждебные действия против русских властей в Казахстане, что заставило губернатора перейти к более суровым мерам.

В 1836 г. В.А. Перовский предложил Азиатскому комитету Министерства иностранных дел план экономических санкций против Хивы, каковой и был принят, а в июне 1836 г. одобрен указом императора Николая I [Терентьев, 1906а, с. 110–111]. В результате 572 хивинских купца были арестованы в Оренбуржье, Сибири и Астрахани, а их имущество стоимостью около 1,4 млн руб. конфисковано: Перовский намеревался удерживать торговцев и их товары под арестом, пока хан Алла-Кули не выполнит его вышеупомянутые требования. По уверениям самого Перовского, русская торговля от этих ограничений не пострадала ([Перовский, 2010, с. 22, 80]; см. также: [Халфин, 1974, с. 250–254]). Как видим, в отличие от И.И. Неплюева, Перовский все же решился на фактическое применение санкций, что требовало официального одобрения со стороны центральных властей, каковое и было получено оренбургским губернатором.

Интересно отметить, что многим хивинским торговцам удалось избежать ареста и конфискации товаров путем различных ухищрений: одни заявляли, что товары принадлежат не им, а купцам из Бухары, другие просто-напросто повязали чалмы на бухарский манер и спокойно выехали из города, третьи заявляли, что давно имели намерение принять российское подданство [Терентьев, 1906а, с. 111]. Кроме того, не поддержали эти санкции и руководители других пограничных регионов Российской империи, в которых хивинцы вели торговлю⁹.

---

⁹ Российский разведчик И.В. Виткевич, хорошо знавший ситуацию в ханствах Средней Азии, писал своему другу В.И. Далю в одном из писем: «*Вы спра-*

Тем не менее санкции вступили в законную силу, и В.А. Перовский рассчитывал, что теперь хивинский хан убедится в серьезности его намерений, жесткости и решительности. Казалось, это ему удалось: хан попытался начать переговоры с оренбургскими властями. Однако Перовский распорядился не принимать и не признавать хивинских послов, пока его требования не будут выполнены — в первую очередь возвратив русских пленных [Залесов, 1862, с. 45; Терентьев, 1906а, с. 111]. Хан действительно в 1837 г. распорядился отправить в Оренбург несколько пленников, тем самым, казалось, пойдя на исполнение условий Перовского. Однако на самом деле его действия являлись плохо скрытой издевкой: русским властям было передано всего около 40 русских рабов (тогда как в Хиве их было несколько сотен), причем все они были весьма преклонного возраста и, соответственно, уже не представляли ценности для своих владельцев как работники [Терентьев, 1906а, с. 112].

Согласно сводкам российского МИДа, цены на русские товары в Хиве выросли от 15 до 90%, стоимость же хивинских товаров (в первую очередь, хлопчатой бумаги) упала вдвое [Перовский, 2010, с. 8; Халфин, 1974, с. 313]. Но и эти потери не могли поколебать позицию хана, которого хивинские торговцы в течение всего времени действия санкций склоняли к принятию русских условий. Единственное, что он предложил своим подданным — это продажа товаров в Россию через бухарских торговцев, на которых санкции Перовского не распространялись, но такое решение оказалось невыгодным для хивинцев [Перовский, 2010, с. 80–81]. Не добившись поддержки от хана, хивинские торговцы сами попытались наладить отношения с губернатором: за собственные деньги они выкупили несколько пленников и в знак своей доброй воли отправили в Оренбург [Терентьев, 1906а, с. 113].

Однако В.А. Перовский добивался отнюдь не такого результата, поэтому санкции сняты не были. Лишь в 1838 г. хивинский хан стал отправлять значительные партии русских пленных в Россию, что по-

---

шиваете, что я думаю о захвате хивинцев? Кажется, что нет сомнения в успешном окончании этого славного дела, ежели только астраханцы справятся так же молодецки, как мы» [Матвиевская, Зубова, 2005, с. 305]. Сведений о том, что администрация Астраханской губернии поддержала инициативу В.А. Перовского, не имеется.

зволило в обмен отпустить и задержанных в Оренбуржье хивинских торговцев. Всего за 1837–1838 гг. было освобождено более 100 русских пленников [Перовский, 2010, с. 22]. Однако вскоре Перовский с негодованием выяснил, что как раз в то время как хан Алла-Кули отправил ему послание, в котором обещал передать последних пленников в Хиве специально назначенным русским чиновникам и впредь не захватывать русских подданных, хивинцы захватили в плен от 150 до 200 русских рыбаков; в дополнение выяснилось, что те же хивинские посланцы, которые возвращали рабов в Оренбуржье, на обратном пути сами приобретали новых пленников ([Залесов, 1862, с. 45; Терентьев, 1906а, с. 114; Юдин, 1896, с. 421]; см. также: [Валиханов, 1985, с. 188])! Слишком поздно оренбургский губернатор осознал, что его экономические меры воздействия, которые могли бы иметь положительный результат в отношениях с каким-либо европейским буржуазным государством, оказались совершенно неэффективны в отношении феодальной Хивы: для хивинского хана судьба нескольких сотен его подданных значила куда меньше, чем его собственный международный престиж и политические амбиции. Поняв свою ошибку, В.А. Перовский принял решение решать конфликты со среднеазиатскими ханствами уже другими методами — военными (см., например: [Почекаев, 2017а, с. 210–228]).

Однако уже преемник В.А. Перовского на посту оренбургского и самарского генерал-губернатора А.А. Катенин вновь применил санкции в 1858 г. Правда, этот пример в большей степени напоминает действия И.И. Неплюева вековой давности, нежели Перовского, имевшие действие всего два десятилетия назад.

В 1858 г. в Хивинское ханство и Бухарский эмират была направлена официальная российская дипломатическая миссия во главе с полковником Н.П. Игнатьевым. Несмотря на то что сам хивинский хан (на этот раз — Сейид-Мухаммад, брат Алла-Кули) стремился к миру, он и его сановники весьма негативно отнеслись к посольству Игнатьева, неоднократно угрожали главе и членам миссии смертью и всячески старались задержать их в Хиве, чтобы те не добрались до Бухары и не заключили более выгодный мир с эмиром, нежели с хивинским ханом [Игнатьев, 1897, с. 46]. Игнатьев сообщал о своих затруднениях в Оренбург, и Катенин отреагировал так же, как Неплюев, когда узнал о бедственном положении миссии Рукавкина, Гуляева и Чучалова. Как сообщает Н.Г. Залесов, участник миссии Игнатьева, «усматривая

из первых писем из Хивы о затруднительном положении миссии, генерал-адъютант Катенин сделал распоряжение о задержании, впредь до выхода из ханства миссии, хивинских караванов в Оренбург». Он удерживал хивинцев, пока не получил от Н.П. Игнатьева письмо о том, что посольство благополучно покинуло Хиву и движется к Бухаре, после чего тут же приказал освободить караваны [Залесов, 1871, с. 50; Халфин, 1956, с. 55]. Более того, из сообщения участника событий не вытекает, что хивинский хан своевременно узнал о действиях генерал-губернатора и позволил российскому посольству ехать в Бухару именно из-за санкций в отношении его подданных.

Несмотря на то что, в отличие от Неплюева, Катенин реализовал санкции против хивинских купцов, у нас нет сведений, что он каким-то образом согласовывал свои действия с центральными властями. По-видимому, действия обоих его предшественников стали достаточными прецедентами для совершения подобных действий. Кроме того, в отличие от В.А. Перовского, являвшегося в 1836 г. всего лишь оренбургским военным губернатором¹⁰, Катенин занимал должность генерал-губернатора и, следовательно, имел больше полномочий, в которые входило, вероятно, и право принятия подобных решений.

Таким образом, можно сделать вывод, что экономические санкции, применявшиеся Российской империей против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв. имели разную степень эффективности. Во многом степень их эффективности зависела от ситуации в самом ханстве и от длительности санкций. Так, если действия И.И. Неплюева оказали надлежащее воздействие на хана Каипа, то во многом потому, что он слишком ненадежно чувствовал себя на троне и не желал портить отношения с хивинскими купцами. Санкции же, введенные В.А. Перовским, несмотря на их жесткость и длительность (1836—1838), не подействовали на решительного и прочно удерживавшего власть хана Алла-Кули, для которого политический престиж ханства оказался выше, чем интересы хивинских торговцев. Наконец, что касается ограничительных мер А.А. Катенина, как мы уже отметили, нет сведений, что хан своими действиями в отношении российского посольства отреагировал именно на них.

---

¹⁰ Должность оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А. Перовский занимал в 1851—1857 гг., возглавляя Оренбургский край во второй раз.

Четыре года спустя А.П. Безак, сменивший Катенина на посту оренбургского и самарского генерал-губернатора, в свою очередь применил силовые меры против бухарских торговцев — уже, можно сказать, «по отработанной схеме». Единственное отличие состояло в причине использования этого средства давления на Бухару: на этот раз оренбургская администрация защищала не российские интересы, а... итальянские. В 1862 г. три итальянца, Меац, Гаваци и граф Литта (так они фигурируют в воспоминаниях современника описываемых событий, оренбуржца П.П. Жакмона) через Оренбург проследовали в Бухару, где поначалу были благосклонно приняты эмиром Музаффаром и занялись шелководством, однако вскоре он заподозрил в них русских шпионов и приказал бросить в тюрьму. Русский купец С.Я. Ключарев привез известие об их задержании в Оренбург, и А.П. Безак тут же прибегнул к проверенному средству: приказал арестовать более тысячи бухарских подданных, их имущество, включая дома, которыми они владели в городе [Жакмон, 1906, с. 77–79]. Как и А.А. Катенин, Безак не согласовывал своих действий с центральными властями — вероятно, право на введение таких мер уже закрепилось в компетенции оренбургских генерал-губернаторов если и не официально, то по крайней мере фактически.

Как мы отмечали выше, судьба торговцев не сильно волновала среднеазиатских властителей, для которых гораздо важнее был их собственный престиж на международной арене, ради которого они готовы были пожертвовать несколькими подданными. Вероятно, осознавали это и сами бухарские торговцы, задержанные Безаком в Оренбурге, а потому, находясь под арестом, они составили коллективное прошение на имя эмира, в котором умоляли монарха отпустить иностранцев, иначе тысяча его подданных лишится не только имущества, но и жизни (что, конечно же, никогда не практиковалось Российскими властями!); это прошение через посредство оренбургского ахуна (главы мусульманского духовенства региона) было отправлено с гонцом в Бухару. Вероятно, масштабность мер, предпринятых Безаком, впечатлила эмира Музаффара, и месяц спустя итальянцы уже прибыли в Оренбург, где были немедленно освобождены, как и принадлежавшее им имущество [Жакмон, 1906, с. 79–80]. Таким образом, и в данном случае, как видим, эмир формально отреагировал не на «давление» со стороны России, а снизошел к просьбам своих подданных; можем предположить, что, если бы требование освободить

итальянцев выразил сам А.П. Безак, положительное решение об их судьбе вряд ли было бы принято столь оперативно¹¹.

Итак, Несмотря на то что цели экономических санкций достигались, нельзя не отметить, что эти меры, эффективные на европейской политической арене, не смогли стать таким же действенным инструментом российской правовой политики в Центральной Азии. Именно поэтому в дальнейшем российские власти (особенно пограничные администрации) стали делать ставку на военное решение конфликтов, что и привело к установлению контроля Российской империи над ханствами Средней Азии в 1870-е годы.

§ 5. Средняя Азия в русских торговых проектах середины XIX в. (правовые аспекты)

При изучении среднеазиатской политики России в период так называемой Большой игры основное внимание, как правило, уделяется двум основным позициям в российских властных кругах — решительным мерам в отношении среднеазиатских государств, предлагаемым Военным министерством и пограничной администрацией, и более «миролюбивой» политике российского МИДа, опасавшегося конфликта с западными державами, особенно с Англией. При этом в гораздо меньшей степени учитывается позиция «третьей силы» — российских деловых кругов, традиционно испытывавших большой интерес к развитию торговли с государствами Средней Азии и имевших возможность активного взаимодействия с властями различного уровня (см., например: [Игнатъев, 1897, с. 27]). В 1860-е годы появляется довольно большое число проектов развития этой торговли; авторы проектов не только рекомендуют шаги, которые, по их мнению, должны предпринять имперские власти в этом направлении, но и достаточно четко определяют, какое место в их планах должны занять сами среднеазиатские ханства — Бухарское, Хивинское, Кокандское.

---

¹¹ По-видимому, для самих итальянцев этот эпизод стал не более чем забавным приключением, поскольку в последующие годы практика поездок жителей этой страны в Среднюю Азию за шелковичными коконами лишь увеличилась. В результате в 1868 г. итальянское правительство было вынуждено опубликовать официальное заявление, что ни итальянские, ни русские власти больше не будут нести ответственность за таких путешественников, и им самим отныне следует принимать меры безопасности [ТС, 1869, с. 43].

При этом следует отметить, что все эти проекты разрабатывались до того, как Россия начала активные военные действия против этих государств, приведшие к установлению над ними российского протектората, т.е. авторы, по сути, и «делили шкуру неубитого медведя», заранее и заочно определяя статус среднеазиатских ханств и их позицию в отношении российской торговой политики в регионе.

Ниже предпринимается попытка выяснить, какое именно место отводили авторы проектов среднеазиатским ханствам в торговой политике России в регионе, и насколько эти планы ей соответствовали или не соответствовали. Эта тематика уже привлекала внимание исследователей, обращавшихся к отдельным проектам (см., например: [Кушпаева, 2016]), мы же намерены проанализировать основные тенденции во взглядах российских деловых кругов на торговые взаимоотношения с ханствами Средней Азии и то, как авторы проектов видели правовой статус ханств в этих отношениях — на примере проектов, разработанных, в частности, Ю.А. Гагемейстером (1862), С.А. Хрулевым (1863), А.И. Глуховским и М. Михайловым (оба — 1867), соотнеся их с представлениями о возможностях среднеазиатской торговли представителей пограничной (в частности, оренбургской) администрации.

Сразу же стоит оговорить, что авторы проектов представляли различные социальные группы — так, Ю.А. Гагемейстер был экономистом, С.А. Хрулев и А.И. Глуховский — военными, занявшимися предпринимательством¹², однако далеко не всегда принадлежность к тому или иному роду занятий находила прямое отражение в их предложениях. Так, предложения С.А. Хрулева (героя Крымской войны 1853–1856 гг.) в отношении среднеазиатских ханств представлялись менее воинственными, чем предложения «штатского» Ю.А. Гагемейстера.

В своей оценке роли среднеазиатских ханств в российской торговле в регионе большинство авторов проектов сходятся на том, что она весьма значительна — особенно Бухарского ханства (эмирата) [Гагемейстер, 1862, с. 713–714; Глуховский, 1867, с. 16–17; Хрулев, 1863, с. 17]. Однако, рассматривая различные аспекты торгового со-

---

¹² Это, в общем-то, было явлением распространенным: в свое время даже такой боевой и амбициозный военачальник как М.Г. Черняев временно «ушел в бизнес».

трудничества с ханствами, они нередко допускают серьезные ошибки, во многом объясняющиеся тем, что мало кто из разработчиков торговых проектов лично бывал в Средней Азии и имел возможность ознакомиться с политическими и экономическими реалиями региона.

Нельзя не обратить внимание на весьма серьезную идеализацию авторами проектов отношений среднеазиатских ханств к торговле с Россией. Большинство их исходит из того, что для Бухары, Хивы и Коканда империя является основным торговым партнером и рынком сбыта. Соответственно, как полагает, в частности, Ю.А. Гегемейстер, Россия всегда сможет «покорить их своей воле, угрожая им прекращением торговых с ними сношений». Правда, при этом пострадают и интересы российских производителей и торговцев, но далеко не в той степени, в какой — их среднеазиатских партнеров [Гегемейстер, 1862, с. 714–715]. С.А. Хрулев заявляет, что среднеазиатские ханства пребывают «в младенческом возрасте», и «у них нет и тени фабрик в европейском значении», так что производимые в России товары для них жизненно необходимы ([Хрулев, 1863, с. 17]; см. также: [Львов, 1868, с. 156]). Соответственно, любые предложения России по повышению эффективности торговых связей, по мнению авторов проектов, будут с готовностью приняты властями ханств.

Между тем, подобные радужные картины во многом опровергаются данными из российских пограничных регионов. Так, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П. Безак, в свою очередь представивший в 1861 г. проект для развития российской торговли в Средней Азии, отмечал, что в Бухаре имеется переизбыток русских товаров из-за того, что ранее их значительная часть шла далее, в Восточный Туркестан, а из-за восстаний ходжей 1820–1850-х годов этот регион утратил стабильность и был разорен. В результате Бухара не столь нуждается в русских товарах, как считают центральные власти и столичные деловые круги [Туркестан, 2016, с. 43–44]. А.И. Глуховский, в 1865 г. лично проведший несколько месяцев в Бухарском ханстве в составе российского посольства к эмиру, также отмечает, что зависимость Бухары от России в торговом отношении не столь велика, и если империя не усилит торговую активность на этом направлении, среднеазиатские ханства найдут другие торговые рынки — в частности, через Британскую Индию [Глуховский, 1867, с. 17–18].

Какие же меры предлагают разработчики проектов для упрощения российского положения в ханствах? Прежде всего, речь идет

о безопасности торговых путей в Бухару, Хиву и Коканд, поскольку опасность нападений кочевников (казахов и туркмен) на караваны понимают и отмечают практически все авторы проектов [Гагемейстер, 1862, с. 722–724; Глуховский, 1867, с. 34; Михайлов, 1869, с. 9; Хрулев, 1863, с. 12]. Затем следует изменить торговый баланс в пользу России, обеспечив переход контроля над торговлей из рук бухарцев в руки русских (поскольку основные торговые операции с ханствами, и в самом деле, осуществляли преимущественно бухарские и хивинские торговцы (см., например: [Рожкова, 1963, с. 141–142]), увеличив производство в ханствах Средней Азии товаров, необходимых России, а также заставив местное население потреблять больше товаров российского производства [Гагемейстер, 1862, с. 722; Глуховский, 1867, с. 25]. Далее, следует в ханствах создавать российские торговые фактории, для чего необходимо получить от местных правителей гарантии безопасности жизни торговцев и их имущества [Гагемейстер, 1862, с. 727; Михайлов, 1869, с. 7; Хрулев, 1863, с. 12].

Однако, несмотря на отмеченное выше идеализированное представление о заинтересованности ханств в торговле с Россией, авторы проектов прекрасно отдают себе отчет в том, что монархи Бухары, Хивы и Коканда вряд ли добровольно пойдут на такие меры. Что же предлагается в качестве средств для достижения этих целей?

Как ни странно, но авторы без каких-либо колебаний допускают силовые средства для решения экономических задач. Так, экономист и финансист Ю.А. Гагемейстер прямо предлагает занять присырдарьинские территории и установить контроль над кочевниками, подвластными Хивинскому ханству, чтобы лишить его возможности захватывать рабов (являющихся основными производителями всех товаров в ханстве) и тем самым обеспечить зависимость от торговли с Россией [Гагемейстер, 1862, с. 727–728]. А.И. Глуховский предлагает также продемонстрировать силу, захватив у Бухары важный город Джизак [Глуховский, 1867, с. 34] (правда, этого автора можно понять, учитывая, что в 1865 г. он провел несколько месяцев в Бухаре практически на положении пленника!). Подобные предложения весьма сходны с теми, которые разрабатывали представители военного ведомства России. В частности, Н.П. Игнатьев, глава российской миссии в Хиву и Бухару 1858 г., считал, что ханствам следует навязать запрет вывоза русской монеты из империи, снизить торговые пошлины для русских купцов и проч. — и все это под угрозой завоевания Бухары и Хивы и

присоединения их к России [Игнатьев, 1897, с. 265, 270]. Аналогичным образом, второй военный губернатор Туркестанской области Д.И. Романовский полагал, что залогом «доброй воли» Бухарского ханства в развитии торговли с Россией станут недавние успехи Российской империи в вооруженном противостоянии с ханством [Романовский, 1868, с. 108, 118—119].

Любопытно отметить при этом, что, предлагая силовые методы достижения торговых целей, авторы проектов вовсе не считают ханства Средней Азии враждебными России. Например, С.А. Хрулев сообщает, что казахи полностью лояльны России, а туркмены (фактически находящиеся под властью ханов Хивы) только и ждут возможности принять российское подданство [Хрулев, 1863, с. 9, 12]. М. Михайлов в 1867 г. пишет, что если с Бухарой недавно и возникали конфликты, то Хива «давно уже держится с нами в мире» [Михайлов, 1869, с. 6] (отметим, что автор пишет это за шесть лет до похода Кауфмана, вызванного постоянной враждебностью хивинцев!). Совершенно пренебрежительное отношение выказывают авторы проектов к Кокандскому ханству, еще сравнительно недавно игравшему ведущую роль в политике Средне-Азиатского региона, но в 1850—1860-е годы утратившему значительную часть территории в противостоянии с Россией. Ю.А. Гагемейстер отмечает постоянные смуты, поставившие ханство на грани раскола, рекомендуя имперским властям вмешаться в его дела и «утвердить цивилизующее влияние России» [Гагемейстер, 1862, с. 727]. М. Михайлов упоминает «жалкие остатки независимого еще Кокана», которые, «вероятно, вскоре же будут присоединены к России, а потому о Кокане и говорить нечего» [Михайлов, 1869, с. 6]. А.И. Глуховский в своей «Записке» также пишет уже о «бывшем Коканском ханстве», считая вопрос его присоединения к России решенным [Глуховский, 1867, с. 6—7], хотя, как известно, Коканд окончательно вошел в состав империи лишь в 1876 г. и то после продолжительной кровопролитной войны.

При этом разработчики проектов отнюдь не считают свои рекомендации проявлением агрессии по отношению к государствам, которые сами же и обвиняют во враждебности к России. Напротив, все действия по расширению российской торговли должны способствовать развитию «цивилизации» в Средней Азии [Гагемейстер, 1862, с. 727; Хрулев, 1863, с. 15]. Подобный подход, с одной стороны, сходен с воззрениями идеологов западноевропейского колониализ-

ма, считавших прямой обязанностью «белого человека» нести «цивилизацию» отсталым народам Востока. Но с другой стороны, авторы проектов предлагают не просто знакомить население среднеазиатских ханств с благами российской (европейской) цивилизации, но и использовать ее достижения для повышения уровня экономического развития самих этих государств — в их же собственных интересах. Ярким примером в этом отношении служит рекомендация Ю.А. Гагемейстера укреплять позиции на среднеазиатских рынках не только с помощью военных мер или навязыванием местному населению российских товаров, но и неуклонным повышением качества последних [Гагемейстер, 1862, с. 719], т.е. экономист фактически поднимает вопрос о повышении уровня жизни как элемента приобщения к цивилизации.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что авторы проектов развития торговли России в Средней Азии всячески старались подчеркнуть значение среднеазиатских ханств в этой сфере деятельности. При этом оценка роли этих государств в проектах представляется довольно противоречивой. С одной стороны, авторы, в большинстве своем незнакомые непосредственно с политическими и экономическими реалиями в регионе, в значительной степени идеализировали ситуацию: приписывали Бухаре, Хиве и Коканду большую заинтересованность в торговых связях с Россией, чем она была на самом деле; преувеличивали их готовность согласиться на российские предложения по укреплению позиций русских торговых кругов в ханствах. С другой стороны, ряд авторов проектов напрямую связывали укрепление позиций российских торговых кругов в Средней Азии с активным (в том числе и военным) продвижением Российской империи в регионе, захватом стратегически важных территорий, чтобы можно было взаимодействовать с ханствами уже с позиции силы.

Подобное видение ситуации в значительной степени сближало предпринимательские круги с руководством Военного министерства и пограничными властями Российской империи (в частности — Оренбургского края и Западной Сибири), хотя цели купечества и военных в продвижении России в регионе и были различны: первые преследовали коммерческие интересы, вторые старались обеспечить безопасность границ российских владений от посягательств самих ханств Средней Азии и британских властей в Индии. Тем не менее

используемые средства (вооруженное противостояние с ханствами, захват стратегически важных городов и т.п.) способствовали достижению и тех и других целей. В 1867 г. было создано «Общество для содействия русской промышленности и торговле», в состав которого вошли и авторы проанализированных выше проектов (в частности, А.И. Глуховский и С.А. Хрулев). В последующие несколько лет общество активно взаимодействовало и с центральными властями Российской империи, и с администрацией Туркестанского края по вопросу развития экономических связей с ханствами Средней Азии, по сути, продолжая развивать прежние проекты, но уже с учетом новых политических реалий — в условиях активизации российского продвижения в регионе [Халфин, 1975а, с. 52–58]. Поэтому вряд ли является простым совпадением, что в договорах 1868 и 1873 гг., закрепивших российский протекторат над Кокандом, Бухарой и Хивой, большинство положений имело именно экономический характер: налоговые льготы для русских торговцев, гарантии безопасности их жизни и имущества на территории ханств и проч. — т.е. как раз то, что предлагали авторы проектов 1860-х годов.

Pochekayev, R. Yu. Russian Factor in the Legal Development of Central Asia: 1717–1917. Legal Aspects of Frontier Modernization [Text] / R. Yu. Pochekayev ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2020. — 328 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1989-9 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-2056-7 (e-book).

The book analyzes the legal aspects of the interaction between the Russian empire and the states of Central Asia since the early 18th century to 1917. The author describes the main stages of Russian influence on the legal development of the Central Asian khanates, outlining the main directions of this influence. He focuses on the ways and methods of the Russian legal policy employed in the Central Asian khanates placed under the Russian protectorate. He also explores the problem of the Russian legal policy implemented in the Central Asian regions with special legal status as well as under conditions of martial law, revolutionary situation, etc. The research undertaken by the author allows understanding of the historical experience of the integration within the Eurasian space of which the next stage is being actively realized today as well as evaluating the efficiency, strengths and weaknesses of the legal means of this integration in the 18th through the early 20th centuries.

The book is designed for specialists in the fields of history of state and law, Russian history, Eastern studies, political science, as well as for undergraduate students majoring in the aforementioned specialties.

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович

**Российский фактор
правового развития Средней Азии: 1717–1917**
Юридические аспекты фронтальной модернизации

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *В.Е. Красавцева*

Художник *В.И. Дмуховская*

Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*

Корректор *В.И. Каменева*

Подписано в печать 13.12.2019. Формат 60×88 1/16
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 19,9. Уч.-изд. л. 18,3
Тираж 500 экз. Изд. № 2296

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Тел.: (8352) 56-00-23